

ДЕЛЬВИГЪ.

(ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ. СОЧИНЕНІЯ НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО И ДЕЛЬВИГА. ИЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.)

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ (*).

IV.

Дружба Дельвига съ Пушкинымъ. — Отъездъ послѣдняго изъ Петербурга и нѣсколько неизданныхъ писемъ Пушкина. — Отношеніе современнаго общества къ литературѣ. — Литературныя собранія въ Петербургѣ вообще, и въ особенности въ домѣ С. Д. Пономаревой. — Дружба Дельвига съ Языковымъ. — Участіе Дельвига въ періодическихъ изданіяхъ. — Альманахи. — Первая книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Жизнь Дельвига такъ близко связана съ современною ему литературною дѣятельностью, имя его такъ неразлучно со многими дорогими именами въ литературѣ, что, говоря о Дельвигѣ, нельзя не коснуться нѣкоторыхъ литературныхъ явленій современнаго ему періода, нельзя не остановиться на отношеніяхъ Дельвига къ представителямъ этого періода, — отношеніяхъ, которымъ онъ прежде всего обязанъ своею извѣстностью, — нельзя не сказать о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностяхъ, и не сдѣлать нѣсколькихъ отступленій отъ главнаго предмета, такъ же, какъ нельзя умолчать о планетахъ, описывая ихъ спутниковъ, заимствующихъ отъ нихъ и свѣтъ и

(* Первая напечатана въ февральской, а вторая въ майской книжкѣ «Современника» 1853 года.

движеніе. Такимъ образомъ въ предъидущей статьѣ мы разсмотрѣли отношенія Дельвига къ Баратынскому и нѣкоторымъ другимъ современнымъ ему писателямъ; теперь же намѣрены обратить особенное вниманіе читателей на самую занимательную и, по нашему мнѣнію, самую важную сторону въ жизни Дельвига,— именно на его дружескія отношенія къ Пушкину. Прерывая на этотъ разъ хронологическую послѣдовательность происшествій, по необходимости, для болѣе систематической группировки фактовъ, мы должны возвратиться къ тому періоду, въ которомъ оставили обоихъ поэтовъ (статья первая, стр. 85—88), ко времени выпуска ихъ изъ Лицея.

Спустя нѣсколько дней по выпускѣ изъ Лицея друзья должны были разстаться: Дельвигъ уѣхалъ въ Хороль (Полтавской губерніи), гдѣ отецъ его стоялъ съ командуемою имъ бригадою; Пушкинъ остался въ Петербургѣ, съ своимъ семействомъ. (1)

Здѣсь Пушкинъ со всѣмъ увлеченіемъ предался удовольствіямъ большого свѣта. Такимъ образомъ проведены были три первые года (1817—1820) по выпускѣ изъ Лицея. (2) Утро онъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ, и преимуществен-

(1) Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Дельвигъ написалъ посланіе *Къ Шульгину*, которому оставилъ «на память пукъ стиховъ». Посланіе это, непозвѣщенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, напечатано, какъ уже сказано нами (статья первая, стр. 50, и статья вторая, стр. 25), въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1820 года («Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія», часть XII, стр. 207). По возвращеніи Дельвига изъ Малороссіи, какъ сообщилъ намъ И. П. Шульгинъ, къ которому писано это стихотвореніе, «пукъ стиховъ», оставленный у него Дельвигомъ

«До перваго пожатья рукъ»,

былъ возвращенъ поэту. Это посланіе даетъ намъ поводъ заключить, что Дельвигъ поручалъ храненіе своихъ стихотвореній, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, не Пушкину, а другому лицу.

Къ этому же времени относятся приведенное уже во второй статьѣ предлагаемаго труда (стр. 4) посланіе Дельвига къ «П—ну» (Пушину), также пропущенное въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній.

(2) Биографія Пушкина въ «Современникѣ» 1838 (т. X, стр. 25), переведенная на французскій въ изданіи Дюпона (Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont. St. Pétersbourg. 1847. Стр. 6 и 8); въ «Портретной и биографической галлерей словесности, наукъ, художества и искусствъ въ Россіи», 1841 (выпускъ I, стр. 3 и 4); въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли», составленномъ Бавтышъ-Камевскимъ 1847 г., (часть вторая, стр. 66 и 67); въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія ко второй части, стр. 119), и «Биографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ до 26 года, написанное братомъ его Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ (Москвитянинъ 1853 года, № 10, май, книга вторая, отд. 1, стр. 51).

но обработкѣ и окончанію «Руслана и Людмилы», поэмы, начатой еще въ Лицеѣ; болшую же часть остальнаго времени проводилъ онъ въ обществѣ. (1) При такомъ образѣ жизни, Пушкинъ, безпрестанно отвлекаемый отъ кружка своихъ лицейскихъ товарищей, видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ довольно рѣдко и еще рѣже переписывался съ отсутствовавшими. Дельвигъ, долго не получая писемъ отъ своего друга, жаловался на его долгое молчаніе въ слѣдующемъ посланіи къ

А. С. ПУШКИНУ.

(Изъ Малороссіи.)

А я ужель забыть тобою,
Мой братъ по Музѣ, мой Орестъ?
Или нельзя снести мечтою
До тѣхъ обѣтованныхъ мѣстъ,
Гдѣ я зовуся *чернобривымъ*;
Гдѣ дѣвы, климатомъ счастливымъ
Воспитанныя въ простотѣ,
(Посмѣйся мнѣ!) не уступаютъ
Столичнымъ дамамъ въ красотѣ;
Гдѣ взоры ихъ мнѣ общають
Одну веселую любовь;
Гдѣ для того лишь измѣняютъ,
Чтобы плѣнить собою вновь?
Какъ ихъ винить? Сама природа
Ихъ баловница на поляхъ:
Безпечныхъ мотыльковъ свобода, (2)
Разнообразіе въ цвѣтахъ,
И прелесть голубого свода
Въ спокойныхъ влітаго водахъ,
Лежащихъ въ шумныхъ камышахъ,
И яблонь тихая прохлада,
И лунныхъ таинство ночей.
Когда любовникъ въ мракѣ сада
Ждетъ умирающихъ огней,
Когда душа его томится
И ожиданьемъ, и тоской,
И даже вѣтерка страшится,

(1) «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія ко второй части, стр. 119).

(2) Въ рукописи этотъ стихъ замѣненъ слѣдующимъ:

«Быту домашняго свобода.»

Поправка эта, сдѣланная карандашемъ, принадлежитъ Пушкину, судя по почерку.

И свиста иволги дѣсной —
 Все манитъ здѣсь къ измѣнамъ, къ нѣгѣ,
 Все здѣсь твердить: «чета любви!
 Любовь летитъ, — лови, лови!» —

Но въ тряской, скачущей телегѣ,
 Мой другъ, свободно ли мечтать?
 И только мысль тебя обнять,
 Съ тобой дѣлить вино, мечтанья,
 И о быломъ воспоминанья, —
 Меня въ ней можетъ утѣшать.» (*)

(*) Это неудачное посланіе, непомѣщенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, почему единственно и приведено, напечатано въ «Благонамѣренномъ» 1818 года (часть II, стр. 13) съ подписью *Баронъ А. Дельвигъ*. Объ этомъ стихотвореніи упоминаетъ А. Д. Галаховъ во второй статьѣ объ Измайловѣ. (Современникъ 1850 года, № 10, критика, стр. 77.)

Въ томъ же году напечатаны въ «Благонамѣренномъ» «Посланіе къ Д... и П...» (часть III, стр. 133), перепечатанное въ «Сынѣ Отечества» 1818 года подъ заглавіемъ «Къ Пушкину и Дельвигу, изъ Царскаго Села» (часть XLVIII, № XXXIII, стр. 129), и посланіе «Къ Пушкину» (часть III, стр. 136). Оба эти стихотворенія были читаны въ Вольномъ Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ въ 1818 году, какъ видно изъ неизданныхъ отчетовъ Общества, и принадлежать лицейскому товарищу поэтовъ, одному изъ издателей «Мнемозины», покойному В. К. К—ру, о которомъ мы упоминали уже въ первой статьѣ о Дельвигѣ (стр. 68, 81, 85) и во второй (стр. 39, 40 55 и 57). Тому же автору принадлежатъ напечатанныя въ «Сынѣ Отечества» 1817 года: «Элегія къ Дельвигу» (часть XLI, стр. 105) и «Диѳирамбъ», посвященный Дельвигу же (часть XLI, стр. 152). Хотя источникъ послѣдняго стихотворенія не указавъ, однакожь, несмотря даже на дурной переводъ, въ немъ иструдно узнать извѣстный диѳирамбъ Шиллера:

«Nimmer, das glaubt mir,
 Erscheinen die Götter,
 Nimmer allein», и т. д.

напечатанный въ «Muscenalmansach» (Альманахъ Музъ) 1791 года подъ заглавіемъ «Der Besuch» (Посѣщеніе) и помѣщенный подъ заглавіемъ «Dithyrambe» во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій. Въ томъ же журналѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, было напечатано это же стихотвореніе въ переводѣ В. Печерина (Сынъ Отечества 1831 года, т. XIX, стр. 57).

Замѣтимъ кстати, что «Элегія къ Дельвигу», хотя и явилась съ подписью имени ея автора (*Вильгельмъ*, какъ весьма часто подписывалъ К. свои стихотворенія), но въ составленномъ г. Тихонравовымъ спискѣ сочиненій Жуковскаго приписана Жуковскому. Ошибка г. Тихонравова повторилась въ обоихъ изданіяхъ списка (Рѣчи и отчеты, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12 января 1853 года) (приложеніе къ рѣчи профессора С. П. Шевырева «О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи», стр. 80), и «Москвитини» 1853 года (№ 2, январь, книга вторая), гдѣ перепечатаны и рѣчь и списокъ (отд. I, стр. 162), и потому этотъ промахъ нельзя даже свалить на безотвѣтнаго корректора, какъ поступалъ уже *сочинитель* списка (См. Отечественныя Записки 1853 года, Смѣсь, стр. 29). Вѣроятно, г. Тихонравовъ принялъ

Въ концѣ лѣта того же (1817) года Дельвигъ возвратился въ Петербургъ и поступилъ на службу, какъ уже сказано во второй статьѣ (стр. 18). Первые годы по выпускѣ изъ Лицея были для Дельвига самымъ веселымъ, самымъ беззаботнымъ временемъ жизни. Дельвигъ жилъ на одной квартирѣ съ покойнымъ П. Л. Яковлевымъ (братомъ лицейскаго товарища Дельвига М. Л. Яковлева), писавшимъ подъ псевдонимомъ *Лужницкаго старца*. П. Л. Яковлевъ, старшій Дельвига только двумя годами, былъ очень близокъ съ его лицейскими товарищами и друзьями, которые собирались у нихъ довольно часто. (1) Къ этому кружку присоединилось еще нѣсколько молодыхъ людей: Евгений Баратынскій, Эртель и проч. Пушкинъ посѣщалъ это общество почти ежедневно (2), до отъѣзда, въ 1818 году, въ Михайловское (исковскую деревню своей матери), которое посѣтилъ тогда въ первый разъ. (3) Эта, слишкомъ уже беззаботная жизнь, въ которой не безъ основанія упрекали Пушкина, еще замѣтнѣе отразилась на Дельвигѣ: произведенія послѣдняго, относящіяся къ этому времени, почти всѣ безъ исключенія отличаются отсутствіемъ содержанія и небрежностью формы. Безъ всякаго сомнѣнія, подобный образъ жизни и неизбѣжное съ нимъ отсутствіе потребности литературнаго проявленія составляютъ главнѣйшую причину малочисленности произведеній обоихъ поэтовъ въ первые годы вступленія ихъ въ свѣтъ; благодаря этой же причинѣ, сохранилось весьма немного воспоминаній объ этомъ времени, веселомъ и беззаботномъ, но бѣдномъ впечатлѣніями.

довольно длинный эпиграфъ Жуковскаго за самую элегію, и потому приписалъ ему чужое стихотвореніе. При этомъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что г. Тихонравовъ, разбирая наши «Библиографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига» (Отечественныя Записки 1853 г., № 6, Смѣсь, стр. 137—156), гдѣ было указано и исправлено нѣсколько недоумѣній г. Тихонравова, говоритъ, что мы не можемъ доказать, чтобъ онъ (г. Тихонравовъ) произведеніе одного поэта навязалъ другому. (Отечественныя Записки 1853, № 7, Смѣсь, стр. 26). Случай доказать это, къ сожалѣнію, представился слишкомъ скоро.

(1) Сообщено М. Л. Яковлевымъ. «Иногородный Полписчикъ», въ майской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» (т. 119, ч. I, Смѣсь, «Письмо о русской журналистикѣ», стр. 56), говоритъ, что Пушкинъ «слѣдилъ за нападками какого нибудь Лужницкаго старца на баловней-поэтовъ, между которыми первымъ баловнемъ былъ Пушкинъ.» Это не совсемъ справедливо: Лужницкій старецъ самъ принадлежалъ къ кружку Дельвига и Пушкина, если не по направленію своихъ сочиненій, то по личнымъ отношеніямъ, — и потому не могъ нападать на нихъ.

(2) Сообщено кн. Л. А. Э. и барономъ А. И. Дельвигомъ.

(3) «Родъ и дѣтство Пушкина» П. И. Баргенева. (Отечественныя Записки 1853, № 11, отд. II, стр. 16.) Мы слышали, впрочемъ, что Пушкинъ ѣздилъ въ Михайловское и въ 1817 году, но не знаемъ, справедливо ли это.

Нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, неважныя, подробности, относящіяся къ этому времени, именно къ 1818 году, находимъ въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ, изъ котораго мы уже заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія (вторая статья, стр. 29, 31 и 41—45).

Сочинитель напечатанной въ Альманахѣ и, вѣроятно, болѣею частью вымышленной автобіографіи: «Выписка изъ бумагъ дяди Александра», говоритъ (стр. 285), что когда, бесѣдуя съ Дельвигомъ о «Недорослѣ» фонъ-Визина, онъ спросилъ поэта, почему онъ самъ не пишетъ для театра, Дельвиго откровенно признался, что непреодолимая лѣнь не позволяетъ ему ни рыться въ историческихъ матеріалахъ для избранія предмета, ни принудить себя старательно обдумать планъ. Онъ прибавилъ, что уже нѣсколько разъ говорилъ о томъ съ пріятелемъ своимъ А.... С.... П....; ⁽¹⁾ но что этотъ послѣдній занятъ сочиненіемъ эпической поэмы и вообще слишкомъ принадлежитъ свѣту. «Повѣрьте мнѣ — продолжалъ Д. — настаетъ время, когда онъ освободится отъ сихъ суетныхъ узъ, когда обратитъ обширный даръ свой къ высшей поэзіи, и тогда создастъ новую эпоху, а Русскій театръ получитъ совершенно новую форму.» Автобіографъ уже давно желалъ знакомства съ молодымъ поэтомъ, о которомъ такъ много говорили. Дельвиго общалъ на дняхъ зайти за автобіографомъ и вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Пушкину, который въ то время, по болѣзни, не выходилъ изъ комнаты. ⁽²⁾

Спустя нѣсколько дней, утромъ, Дельвиго зашелъ за авторомъ упоминаемой біографіи и повелъ его къ Пушкину. Къ нимъ присоединился и Евгений Баратынскій, который уже зналъ Пушкина. Приводимъ рассказъ автобіографа объ этомъ посѣщеніи:

.... «Мы (Дельвиго, Баратынскій и автобіографъ) непримѣтно достигли цѣли своего (т. е. нашего) путешествія, ⁽¹⁾ Мы взошли на лѣстницу; слуга отворилъ двери, и мы вступили въ комнату П. У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человекъ въ полосатомъ

⁽¹⁾ Въ нѣмецкомъ изданіи Альманаха выставлено только Д. (т. е. Alexander), а въ выноскѣ сказано, что это — одинъ изъ отличнѣйшихъ русскихъ поэтовъ (стр. 420).

⁽²⁾ Вѣроятно, къ этому же времени и случаю относится стихотвореніе Пушкина «Кривоногу, при посылкѣ Вольтеровой поэмы» (Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 472). Посланіе же къ «NN»: «Я ускользнулъ отъ Эскулапа» (Сочиненія А. Пушкина, т. III, стр. 136), написано нѣсколько позже, послѣ горячки, которую выдержалъ Пушкинъ. Объ этой болѣзни говорится въ «Выдержкахъ изъ дневника объ А. С. Пушкинѣ» В. П. Горчакова (Москвитинъ 1850, январь, № 2, книга вторая, отд. I, стр. 178 и 179).

⁽³⁾ Пушкинъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста.

бухарскомъ халатѣ, съ ермошкою на головѣ. Возлѣ постели на столѣ лежали бумаги и книги. Въ комнатѣ соединялись признаки жилища молодого свѣтскаго человѣка съ поэтическимъ беспорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ П. продолжалъ писать нѣсколько минутъ, потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зналъ кто пришелъ, подавъ обѣ руки моимъ товарищамъ, съ словами: «здравствуйте, братцы!» Вслѣдъ за симъ онъ сказалъ мнѣ съ ласковою улыбкою: «Я давно желалъ знакомства съ вами, ибо мнѣ сказывали, что вы большой знатокъ въ винѣ, и всегда знаете гдѣ достать лучшія устрицы.» Я не зналъ радоваться ли мнѣ этому привѣтствію, или сердиться за него.... Мы говорили о древней и новой литературѣ.... Сужденія П. были вообще кратки, но мѣткі; и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было доказать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его замѣтна была большая склонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною.... Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его.... Хозяинъ нашъ оканчивалъ тогда романтическую свою поэму. ⁽¹⁾ Я зналъ уже изъ нея нѣкоторыя отрывки, которые совершенно плѣнили меня, и исполнили нетерпѣніемъ узнать цѣлое. Я высказалъ это желаніе; товарищи мои присоединились ко мнѣ, и П. принужденъ былъ уступить нашимъ усиленнымъ просьбамъ, и прочесть свое сочиненіе.» (Стр. 298.)

Въ началѣ 1820 года поэма Пушкина была окончена, и первые отрывки ея, напечатанные въ «Сынѣ Отечества» 1820 года (часть 62, кн. XV и XVI) и въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, мартъ, стр. 44), были приняты съ восторгомъ болѣею частью читателей и въ особенности молодымъ поколѣніемъ. Въ томъ же году явилось отдѣльное изданіе «Руслана и Людмилы». Въ 1820 же году Пушкинъ былъ назначенъ въ Кишиневъ, на службу въ канцелярію полномочнаго намѣстника Бессарабіи Инзова ⁽²⁾, и на нѣсколько лѣтъ разстался съ Дельвигомъ. Дельвиго и П. Л. Яковлевъ (Лужницкій старецъ) проводили его до Царскаго Села. ⁽³⁾

⁽¹⁾ «Руслана и Людмилу», которая и названа въ нѣмецкомъ изданіи альманаха. (Стр. 443.)

⁽²⁾ Біографіи Пушкина: въ «Современникѣ» 1838 г. (т. X, стр. 27; переводъ ея въ изданіи Дюпона «Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine» (т. I, стр. 8); въ «Портретной и біографической галлерей словесности, науки, художества и искусствъ въ Россіи» (стр. 5); въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» Бантышъ-Каменскаго, 1847 г. (часть вторая, стр. 68) и въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (часть III, примѣчанія ко второй части, стр. 119 пятого изданія), «Выдержки изъ дневника объ А. С. Пушкинѣ» В. П. Горчакова (Москвитинъ 1850 г., январь, № 2, кн. 2, отд. I, стр. 146—182) и «Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ» (Москвитинъ 1853 г., май, № 10, кн. 2, отд. I, стр. 53).

⁽³⁾ Сообщено лицейскимъ товарищемъ Дельвига М. Л. Яковлевымъ.

Поэма, которой суждено было начать новую эпоху в русской литературе, была встречена самыми различными, самыми противоположными друг другу суждениями критики и читателей: в то время, когда Жуковский признавал себя побужденным в *высокопозорственный* (по его выражению) день окончания «Руслана и Людмилы», русские критики не видѣли в этой поэмѣ «ни мыслей, ни чувства», совѣтовали публикѣ, «чтобы она каждой разѣ жмурила глаза при появлении подобныхъ странностей», называли ее «отвратительною шуткою», сравнивали Пушкина съ Киришей Даниловымъ и наивно спрашивали, не Ерусланомъ ли хотѣлъ назвать авторъ свою поэму? (1).

Эти недоброжелательные отзывы, изъ которыхъ самые ожесточенные были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1820 года, не могли остаться безъ противодѣйствія. Въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ было напечатано нѣсколько статей по поводу поэмы Пушкина, явились двѣ *Эпиграммы рецензенту поэмы Русланъ и Людмила* (1820 года, часть 64, № XXXVIII, стр. 233), безъ подписи сочинителей. Первая эпиграмма, какъ уже сказано во второй статьѣ предлагаемаго труда (стр. 3), принадлежитъ Дельвигу, что доказывается находящимися у насъ рукописями поэта; вторая же сочинена И. А. Крыловымъ. Вотъ эпиграмма Дельвига, помещенная въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній:

«Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь,
Красотѣ ей не придашь и не умалишь.
Браня, всѣмъ кажется, ее ты хвалишь,
Хваля, ее бранишь.»

Эпиграмма эта не отличается ни колкостью, ни остроуміемъ, но доказываетъ, однакожъ, что Дельвигъ смотрѣлъ на поэму своего друга, какъ на произведеніе, котораго успѣхъ не зависѣлъ отъ критики, и котораго оужденіе приносило болѣе вреда рецензенту, чѣмъ произведенію. (2)

(1) «Еще критика» (Вѣстникъ Европы 1820 года, № 11, стр. 213) и предисловіе ко второму изданію «Руслана и Людмилы» въ 1828 году (стр. XIV).

(2) Считаю не лишнимъ привести и эпиграмму Крылова:

«Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!»

Принадлежность эпиграммы Крылову подтверждается П. А. Плетневымъ, который, въ статьѣ своей: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова», говоритъ, что когда, при появлении въ свѣтъ «Руслана и Людмилы», одна изъ многочисленныхъ журнальныхъ критикъ вывела Крылова изъ его равнодушія, онъ на другой же день послалъ эту эпиграмму къ какому-то журналисту. (Сочиненія И. Крылова, изд.

Пушкинъ былъ въ это время уже далеко отъ Петербурга. Проѣзжая въ Кишиневѣ, онъ занемогъ въ Екатеринославѣ горячкою и, съ разрѣшенія Инзова, отправился на Кавказъ, съ семействомъ генерала Раевского, съ которымъ случайно встрѣтился въ Екатеринославѣ. Съ Кавказа Пушкинъ отправился въ обратный путь по Землѣ Черноморскихъ Казаковъ и изъ Тамани моремъ мимо южныхъ береговъ Крыма. (1) Впечатлѣнія этого переѣзда и кратковременное пребываніе въ Крыму Пушкинъ описалъ въ письмѣ къ Дельвигу. Письмо это, вѣроятно, хорошо извѣстно нашимъ читателямъ по отрывку, который уже нѣсколько разъ являлся въ печати, и потому не приводимъ его, тѣмъ болѣе, что подробности и впечатлѣнія, въ немъ описанныя, относятся болѣе къ Пушкину, нежели къ Дельвигу. (2) Но въ замѣнъ его представляемъ неизданное письмо Пушкина къ брату изъ Кишинева, отъ 24 сентября 1820 года. Въ письмѣ этомъ, въ которомъ упоминается и о нашемъ поэтѣ, читатели найдутъ нѣсколько любопытныхъ автобіографическихъ подробностей:

«Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою. Постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ покататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Ген. Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщаль меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь; я легъ въ коляску больной, черезъ недѣлю вычелся. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія;

1847 г., т. I, стр. LVI—LXVII). Указаніе это сдѣлано уже г. Тихомировымъ (Отечественныя Записки 1853 года, № 7, Смѣсь, стр. 27), при чемъ г. Тихомировъ не упоминаетъ, что эпиграмма эта приведена и въ предисловіи ко второму изданію «Руслана и Людмилы» (стр. V), гдѣ сказано, что она приписывается К***.

(1) «Биографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ» (Москвитинъ 1853 г., № 40, май, книга вторая, отд. I, стр. 53).

(2) Отрывокъ этого письма напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 годъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.» (стр. 104), и перепечатанъ: въ третьемъ изданіи (1830 г.) «Бахчисарайскаго Фонтана» (стр. 41), безъ переѣвѣ, въ собраніи «Поэмъ» Пушкина (часть I, стр. 230) и въ его «Сочиненіяхъ» (т. II, стр. 188—190), съ незначительными переѣвѣнами и пропускомъ посланія къ Чадаеву (напечатанному въ III т. его «Сочиненій», стр. 178, подъ заглавіемъ «Ч***ву»). Къ тому же лицу относится и другое посланіе Пушкина, въ III т. его «Сочиненій», подъ тѣмъ же заглавіемъ (стр. 148). Чадаевъ, извѣстный своею статьєю въ «Телескопѣ», былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, который уважалъ его умъ, гордился и дорожилъ его дружбой.

впрочемъ, купался въ теплыхъ кислотныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не входилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дикіе Черкесы напуганы, древняя дерзость ихъ исчезаетъ; дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіями безопасною торговлею. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы; любовался нашими козаками. За нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться: въ надеждѣ большаго выкупа они готовы напасть на известнаго русскаго генерала.... Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когданибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ козакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ, грубо-высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣла рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнія ли основанія башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то французъ пріѣхалъ для розысканій, но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣденій. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ, и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города: виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣденія объ Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда отправились мы моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отогци ее къ Гречу безъ подписи. (*) Корабль плылъ

(*) Элегія эта — «Погагло дневное свѣтло.» Она явилась въ «Сынѣ Отечества» (1820 года, часть 65, № XLVI, стр. 241) только съ подписью: «Черное море. 1820. Сентябрь.» Въ сочиненіяхъ Пушкина она помѣщена въ IV томѣ (стр. 258).

Нѣсколько слѣдующихъ строкъ этого письма были напечатаны съ пропусками и небольшими измѣненіями въ «Биографическомъ извѣстіи объ А. С. Пушкинѣ», написанномъ братомъ поэта. (Москвитинъ 1853 г., № 10.)

передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисомъ; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа; тамъ прожилъ я три недѣли, мой другъ. Счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. (1) Всѣ его дочери — прелестны; старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ. Свободная, беспечная жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ пиши ко мнѣ. Благодарю тебя за стихи, болѣе благодарилъ бы за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаніемъ и сказками, но влюбиться въ нее — безразсудно. . . .

«Прости, мой другъ, обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ; все ли они еще въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня К/ и Дельвига. Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши же мнѣ обо всей братіи.» (2)

Пушкинъ провелъ въ Кишиневѣ около двухъ лѣтъ. (3) Въ это время, такъ же, какъ и по пріѣздѣ Пушкина въ Одессу, то есть въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, отношенія его къ Дельвигу ограничивались письмами. Письма эти были довольно часты, особенно сначала; но намъ удалось найти только весьма немногія. Даже Дельвигъ, не любившій корреспонденціи, иногда писалъ къ Пушкину; но изъ нѣсколькихъ первыхъ писемъ его дошло по назначенію только одно, доставленное Гнѣдичемъ. (4) Пушкинъ отвѣчалъ на него, отъ 23 марта 1821 года, письмомъ, начинающимся превосходнымъ стихотвореніемъ, неизданнымъ, но, вѣроятно, уже известнымъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей:

(1) Онъ давно оставилъ службу и живетъ въ Москвѣ, какъ уже сказано въ «Биографическомъ извѣстіи объ А. С. Пушкинѣ» (Москвитинъ 1853 г., № 10).

(2) Письмо это сообщено Е. А. Вердеревскимъ.

(3) «Биографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ.» (Москвитинъ 1853 года, май, № 10, кн. 2, отд. I, стр. 54.)

(4) Незданное письмо Пушкина къ Дельвигу отъ 23 марта 1821 года, изъ Кишинева.

«Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!» (1)

Письмо это, такъ же, какъ и семь другихъ неизданныхъ писемъ Пушкина къ Дельвигу, должны войти въ биографію Пушкина, такъ нетерпѣливо ожидаемую, и потому, не печатая ихъ въ настоящее время, воспользуемся только содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, согласно данному намъ позволенію. (2)

Въ посланіи, которымъ начинается упомянутое письмо, Пушкинъ, благодаря Дельвига за его прозу, признается, что онъ былъ бы болѣе радъ стихамъ. Онъ говоритъ, что муза его чахнетъ отъ воздержанія, что онъ хладѣетъ къ болтливой молвѣ и волочится еще за нею только изъ учтивости. Наскучивъ безплодной службой музъ, онъ замѣнилъ кумиръ славы другою богиней, тихою дружбой; но все еще любитъ волшебный міръ фантазій и, согрѣтый чуждымъ пламенемъ, внимаешь звукамъ лиръ своихъ поэтовъ.

Въ письмѣ, составляющемъ продолженіе этого посланія, Пушкинъ, упрекая Дельвига за то, что онъ недовольно пишетъ о себѣ и объ ихъ общихъ друзьяхъ, говоритъ, что въ его отсутствіе о немъ напоминало сердце, о его музѣ—журналы. (3) Онъ называетъ Дельвига талантомъ прекраснымъ и лѣнивымъ, спрашиваетъ, долго ли онъ будетъ шалить и размѣнивать свой геній «на серебряные четвертаки», и, находя, что поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая—истинный удѣлъ Дельвига, — заблужденіе, объясняемое только пристрастіемъ, дружбы, — совѣтуетъ ему написать своего «Монаха», умертвить въ себѣ ветхаго человѣка, но не убивать вдохновеннаго поэта. (4) Пушкинъ говоритъ далѣе, что онъ кончилъ свою новую поэмъ «Кавказскій Цѣдникъ», и предупреждаетъ Дельвига, что онъ будетъ ею не совсѣмъ доволенъ и будетъ правъ, что

(1) Объ этомъ посланіи мы упомянули уже въ первой статьѣ о Дельвигѣ (стр. 57), а о письмѣ—въ замѣчаніяхъ на «Биографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ» (Отечественныя Записки 1853 года, июль, № 7. «Журналистика», стр. 76).

(2) Эти восемь писемъ Пушкина были сообщаемы автору предлагаемой статьи Н. В. Аненковымъ.

(3) Въ то время, т. е. въ 1820 и въ началѣ 1821 года, Дельвигъ печаталъ свои стихотворенія въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь) и въ «Невскомъ Зрителѣ».

(4) Изъ этого можно заключить, что Дельвигъ задумывалъ написать поэмъ (или идиллію) «Четыре времени года» (или Четыре части дня), вмѣсто которой Пушкинъ совѣтовалъ ему приняться за «Монаха». Полагаемъ, что ни одна изъ этихъ поэмъ не была даже начата, потому что никто изъ современниковъ Дельвига не помнитъ о нихъ, и въ его рукописяхъ мы не нашли ни одного отрывка, изъ котораго можно было бы подозрѣвать о существованіи поэмъ.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ 1811 году явилось подъ тѣмъ же заглавіемъ (Четыре времени дня) произведеніе германской писательницы Амаліи фонъ-Хельвигъ (Helwig), пріятельницы Шиллера и Гете. Не оно ли и подало Дельвигу мысль для его поэмъ?

пока ничего не пишетъ, но перевариваетъ воспоминанія, и надѣется набрать вскорѣ новыя. Въ заключеніе письма, великій поэтъ, высказавъ свои опасенія за молодость брата и за его воспитаніе, поручаетъ Дельвигу узнать и написать о братѣ, просить любить и заботиться о немъ.

Въ этой трогательной заботливости о братѣ, которая видна и въ нѣкоторыхъ другихъ неизданныхъ письмахъ поэта, высказалась вся любящая натура Пушкина, все довѣріе его къ Дельвигу, которому только одному онъ поручалъ подобныя заботы.

Въ числѣ другихъ неизданныхъ писемъ Пушкина, писанныхъ во время его страннической жизни до переѣзда въ псковскую деревню, въ концѣ 1824 года, намъ не удалось найти ни одного письма къ Дельвигу. По отзыву лица, у котораго должны быть эти письма, они уничтожены самимъ Пушкинымъ по смерти Дельвига; но справедливость такого отзыва, какъ сказано уже въ первой статьѣ о Дельвигѣ (стр. 56), весьма сомнительна. Писемъ Дельвига, относящихся къ этому времени, мы также не нашли. Впрочемъ, Дельвигъ вообще писалъ мало и неохотно, и передъ образцовыми письмами Пушкина его письма, по крайней мѣрѣ немногія извѣстныя намъ, весьма блѣдны. Онъ писалъ рѣдко даже къ Пушкину и весьма лѣниво отвѣчалъ на его письма. Молчаніе Дельвига въ подобныхъ случаяхъ дало впоследствии поводъ къ слухамъ о его смерти, когда онъ уѣхалъ на свиданіе съ своимъ семействомъ въ Витебскъ, гдѣ опасно заболѣлъ и долго не давалъ о себѣ никакого извѣстія. Пушкинъ, не получая отъ него вѣстей, послалъ къ нему письмо на большомъ листѣ, на которомъ было только написано: «Дельвигъ, живъ ли ты?» (*) Лѣность Дельвига въ этомъ отношеніи подтверждается письмами Пушкина къ другимъ лицамъ, въ которыхъ онъ жалуется на годовое молчаніе своего друга. Вотъ одно изъ такихъ писемъ Пушкина, отъ 13 іюня 1823 года, изъ Одессы. Оно только впервые является въ печати, и потому, надѣемся, читатели не посѣтуютъ, если, не ограничиваясь отрывкомъ, относящимся къ Дельвигу, мы приведемъ все письмо, съ незначительными только исключеніями:

«Милый Б., позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія, «и сердечно поблагодарить тебя за твои письма, за статью о лите-

(*) Сообщено братомъ поэта, А. А. Дельвигомъ.

«ратуръ», ⁽¹⁾ за «Ольгу» ⁽²⁾ и особенно за «Вечеръ на бивакѣ». ⁽³⁾ «О «Взглядѣ» можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Еще слово: «зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, ⁽⁴⁾ а обижать «Макова? ⁽⁵⁾ «Елисей» очень смѣшнотъ... ⁽⁶⁾ Въ разсужденіи 1824 года постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни; но «нельзя ли вновь осадить***», и со втораго приступа овладѣть моею «анеологіей? «Разбойниковъ» я сжегъ, и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ «вокъ удѣлѣ въ рукахъ у Н. Р. Если отечественные звуки: «харчевня... не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ «Полярной Звѣзды», то напечатай его. ⁽⁷⁾ Впрочемъ, чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ, и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ «новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человекъ благо- «родныхъ правилъ, и не станетъ воскрешать времена слова и «дѣла.... Да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократиче-

⁽¹⁾ Статья эта напечатана въ «Полярной Звѣздѣ», альманахъ на 1823 годъ (стр. 1 — 44), и называется «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи».

⁽²⁾ «Романъ и Ольга», древняя повѣсть, напечатана тамъ же (стр. 187—260).

⁽³⁾ «Вечеръ на бивакѣ» тамъ же (стр. 315—332).

⁽⁴⁾ Николай Петровичъ Осиповъ, родившійся 1751 года, и написавшій множество сочиненій по части сельскаго хозяйства и домоводства, былъ извѣстенъ въ свое время переложеніемъ въ шуточномъ тонѣ виргиліевой «Энеиды» и сочиненій Овидія и переводомъ «Донъ-Кихота» Сервантеса. Въ 1800 году онъ издавалъ еженедѣльно «Что выбуль отъ бездѣля на досугѣ». Краткое (но довольно ошибочное) извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Осипова напечатано въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія (т. II, стр. 108—110). Подробнѣшій и болѣе обстоятельный свѣдѣнія о сочиненіяхъ Осипова можно найти въ «Росписи російскимъ книгамъ» А. Смирдина.

⁽⁵⁾ Василій Ивановичъ Майковъ, одинъ изъ предковъ современнаго намъ поэта А. Н. Майкова, сочинитель нѣсколькихъ трагедій, оперъ, драмъ и мелкихъ стихотвореній, печатавшихся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, особенно извѣстенъ шуточными поэмами въ родѣ Скаррона: «Игрокъ Ломбера», «Елисей или раздраженный Вакхъ», которые имѣли по нѣскольку изданій въ короткое время, и нѣкоторыми другими. Краткія свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Майкова читатели найдутъ въ «Словарѣ русскихъ писателей» (т. II, стр. 41—42) и въ смирдинскомъ каталогѣ.

⁽⁶⁾ Пропускаемъ, по необходимости, нѣкоторые отрывки этой поэмы, которыми восхищался Пушкинъ.

⁽⁷⁾ Отрывокъ этотъ напечатанъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ (стр. 359—367).

«ской любви. Дельвинъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попе- «няйте ему, и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметь за меня. «Прощайте, до свиданья.» ⁽¹⁾

Между тѣмъ, несмотря на продолжительное молчаніе Дельвига, Пушкинъ писалъ къ нему довольно часто и нѣдко вспоминалъ о немъ въ письмахъ къ другимъ лицамъ. Намъ сообщено два неизданныхъ письма Пушкина, писанныхъ къ тому же другу изъ Одессы. Письма эти не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ предмету нашей статьи, но они представляютъ такое вѣрное отраженіе времени и литературныхъ интересовъ, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать для нихъ небольшое отступленіе и, не ограничиваясь отрывками, относящимися къ Дельвигу, представляемъ оба письма съ незначительными только исключеніями:

«Конечно я на тебя сердитъ — пишетъ Пушкинъ — и готовъ съ тво- его позволенія браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, о которыхъ я просилъ тебя: ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! ⁽²⁾ а какой же смѣль

⁽¹⁾ Письмо это, такъ же, какъ и два слѣдующихъ за нимъ неизданныхъ письма Пушкина, сообщено автору предлагаемаго труда Н. А. Н. вымъ.

⁽²⁾ Элегія эта (Рѣдветъ облаковъ летучая гряда) напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ (стр. 198). Вотъ что писалъ Пушкинъ къ тому же лицу, по этому случаю: «Богъ тебя проститъ! но ты осквернилъ меня въ извѣстной «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. Чортъ дернулъ меня написать еще нестати о бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Что жъ она подумаетъ, видя съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ петербургскихъ моихъ друзей. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Б., что проклятая элегія доставлена тебѣ, чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ либнѣями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ «Вѣстникѣ Европы» (единственный журналъ, на который не имѣю права жаловаться), (*) что Б. не былъ въ правѣ пользоваться перенескою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но перекрестясь, предалъ все это забвенію Отавониль, и съ колокольни долой.»

Элегія, о которой здѣсь говоритъ Пушкинъ, напечатана въ собраніи его «Сти-

(*) Оговорка эта можетъ служить доказательствомъ равнодушія Пушкина къ журнальнымъ мнѣніямъ, потому что «Вѣстникъ Европы» называлъ «Руслана и Людмилу» «отвратительною шуткой» (№ XI, 48-0 года), о чемъ упоминается и въ предисловіи ко второму изданію повести (стр. X—XIV), и вообще встрѣчалъ недоброжелательно многія произведенія Пушкина.

имѣть: «Какъ ясный влагою полубогиня грудь — воздымала?» (1) Или: «съ болѣзнью и тоской твои глаза», и проч. (2) Я давно уже не сержусь за опечатки, но встарину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute*. Гнѣдичъ шутить со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ будто бы все новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и мнѣ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ «Сынѣ Отечества»; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ. Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы, и обнимаю тебя *sans rancune*, и

хотвореній» (изд. 1826 г.) и въ его «Сочиненіяхъ» (т. IV, стр. 200) безъ трехъ послѣднихъ стиховъ.

Вотъ они:

«Когда на хижину сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглаѣ тебя (звѣзду) искала,
И имянемъ своимъ подругамъ называла.»

(1) Изъ стихотворенія Пушкина «Нереида», напечатаннаго въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ (стр. 29), съ опечаткою, лишившею его смысла. Вотъ строки, на искаженіе которыхъ жалуется Пушкинъ:

«Сокрытый межъ оливъ едва я смѣлъдохнуть.
Какъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь воздымала,
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.» (Стр. 29.)

Во второй строкѣ вмѣсто *какъ* слѣдуетъ *надѣ*, что и исправлено въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого стихотворенія. Въ собраніи «Сочиненій Пушкина» оно напечатано въ IV томѣ (стр. 201).

(2) Изъ элегіи: «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», напечатанной въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ (стр. 314), съ слѣдующею опечаткою:

«Хочу ль уйти; съ болѣзнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.»

Вмѣсто *болѣзнью* слѣдуетъ *болыню*, какъ и исправлено въ изданномъ въ 1826 году собраніи «Стихотвореній» Пушкина и въ собраніи его «Сочиненій» (т. IV, стр. 188). Въ обоихъ изданіяхъ элегія напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями, сравнительно съ первоначальною ея редакціею въ альманахѣ.

Опечатки, обезсмыслившія эти два стихотворенія, такъ безпокоили Пушкина, что онъ просилъ г. Булгарина, помѣстить ихъ въ надлежащемъ видѣ, въ издававшихся г. Булгаринымъ «Литературныхъ Листкахъ», гдѣ оба стихотворенія и были напечатаны въ 1824 г. (№ IV, стр. 134 и 135). Они были доставлены г. Булгарину при вѣстѣ Пушкина отъ 1 февраля 1824 года, изъ Одессы. Это неизданное и любопытное письмо было сообщено намъ въ копіи, но мы не считаемъ себя вправе напечатать его теперь, не имѣя на то согласія г. Булгарина.

съ благодарностью за все остальное — прозу и стихи. (1) Ты — все ты, т. е. миль, живъ, умень; Баратынскій — прелесть и чудо. (2) *Признаніе* — совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегіи, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ... поступать со мною милостивѣе... (3) Дельвигъ молодецъ. (4) Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобою стихами, но слѣдай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter. (5) Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. (6) Онъ славный мальчикъ, но какъ поэтъ я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.

«А. П.»

1824, 12 янв. Одесса.

Вотъ еще письмо Пушкина, въ которомъ упоминается о Дельвигѣ. Оно относится къ тому же времени и имѣетъ связь съ предъидущимъ:

«Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ «Полярной Звѣздѣ» скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были

(1) Т. е. за «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1823 года», за повѣсть «Замокъ Нейгаузенъ» и за «Романъ въ семи письмахъ», напечатанные въ альманахѣ. За какіе стихи благодаритъ Пушкинъ — не знаемъ.

(2) Изъ стихотвореній Баратынскаго въ альманахѣ напечатаны: «Истина», ола (стр. 19; въ собраніи же его стихотвореній ч. I, стр. 16), «Аглаѣ» (стр. 27; въ собраніи его стихотвореній ч. I, стр. 123), «Римъ» (стр. 63; въ его «Стихотвореніяхъ» ч. I, стр. 15), «Призваніе» (стр. 312; въ его «Стихотвореніяхъ» ч. I, стр. 165), и посланіе «Къ **» (Лутковскому), съ подписью Б. (стр. 259; перепечатанное въ собраніи его «Стихотвореній», ч. I, стр. 68). Все они въ собраніи стихотвореній Баратынскаго перепечатаны съ большими перемѣнами.

(3) «Призваніе» дѣйствительно принадлежитъ къ числу лучшихъ стихотвореній Баратынскаго; но смѣшно думать о соперничествѣ этой элегіи съ элегіями Пушкина.

(4) Изъ стихотвореній Дельвига напечатаны въ альманахѣ двѣ русскія пѣсни: «Что, красота молодая...» (стр. 22) и «Голова ль моя, головушка...» (стр. 91), два романа: «Прекрасный день, счастливый день» (стр. 201) и «Не говори: любовь пройдетъ» (стр. 315), и «Советъ С. Д. П—ой» (Софьѣ Дмитриевнѣ Пономаревой, стр. 25). Эти пять стихотвореній перепечатаны въ первомъ изданіи стихотвореній Дельвига (1829 г.) на стр. 83, 107, 126, 128 и 87, и во второмъ (смирдинскомъ) на стр. 61, 80, 94, 94 и 63, съ небольшими измѣненіями въ обихъ пѣсняхъ и во второмъ изъ романсовъ.

(5) Пушкинъ называлъ иногда своего пріятеля, къ которому писано это письмо, Вальтеръ-Скоттомъ, находи, быть можетъ, какое-то странное сходство въ его произведеніяхъ съ произведеніями знаменитаго романиста. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, и также неизданномъ, Пушкинъ говоритъ: «Твой турниръ напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, — это хорошо для поэмы байронической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все начисто.»

(6) Туманскій жилъ тогда въ Одессѣ и очень часто видѣлся съ Пушкинымъ.

напечатаны въ прошломъ годѣ, *et c'est beaucoup dire*. (1) Корниловъ славный малый и много общается; но зачѣмъ пишетъ онъ «для снисходительнаго вниманія», «Милостивый государь NN», и ожидаетъ «ободрительной улыбки прекраснаго пола» для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ. (2) Все это старо, ненужно, и слишкомъ пахнетъ шаликовскою невинностью. (3) Бугаринъ говорить, что Н. Б. отличается ново-

(1) Эта повѣсть — «Замокъ Нейгаузенъ», напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ (стр. 140). Повѣсти, напечатанныя въ томъ же альманахѣ на 1823 годъ, названы уже выше.

(2) Не Корниловъ, какъ говорить Пушкинъ, а А. Корниловичъ, авторъ любопытной статьи «Объ увеселеніяхъ Россійскаго двора при Петрѣ I», напечатанной въ томъ же альманахѣ (стр. 33). Выраженій, приводимыхъ Пушкинымъ, въ этой статьѣ нѣтъ; но въ ней встрѣчаются слѣдующія, почти такія же: «Если слабый трудъ сей удостоится лестнаго вашего вниманія, то я буду продолжать начатое; или: снисходительный взоръ вашъ (статья посвящена дамѣ) будетъ лучшею наградою для автора, улыбка вашего одобренія придастъ ему новыя силы и заохотитъ его къ новымъ трудамъ» (стр. 51). Этого же Корниловичъ перевелъ, вмѣстѣ съ А. Хатовымъ, на русскій языкъ «Военную Исторію походовъ Россіи въ XVIII столѣтіи», сочиненную на французскомъ покойнымъ директоромъ Публичной Библиотеки Д. П. Бутурлинымъ, бывшимъ въ то время флигель-адъютантомъ Императора Александра, и издалъ «Русскую Старину», альманахъ на 1825 годъ.

(3) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ, умершій въ 1852 году въ Одессѣ, — сочинитель: *Плода свободныхъ чувствованій* (1798—1801 г., 3 части), *Цѣлтовъ Грацій* (1802 г.), *Путешествія въ Малороссію* (1803—1804 г., 2 части), *Историческаго извѣстія о пребываніи въ Москвѣ Французовъ 1812 года* (1813 г.), *Острова Эльбы и новаго Санто-Пансы* (1814 г.), *Мыслей, характеровъ и портретовъ* (1815 г.), *Посланій въ стихахъ* (1816 г.), *Путешествія въ Кронштадтъ 1805 г.* (1817 г.), *Повѣстей* (1819 г.) и *Посланія къ Государственному Канцлеру Графу Николаю Петровичу Рулянцову* (1820 г.); переводчикъ съ французскаго: *Герцогини де-ла-Вальеръ*, соч. Жанлисъ (1815—1816 г., 4 ч.), *Путевыхъ Записокъ изъ Парижа въ Иерусалимъ и изъ Иерусалима въ Парижъ*, соч. Шатобріана (1815—1816 г., 3 ч.), *Исторіи Генриха Великаго*, соч. Жанлисъ (1816—1817 г., 3 ч.), *Воспоминаній объ Италіи, Англій и Америкѣ*, соч. Шатобріана (1817 г., 2 ч.), *Новыхъ повѣстей графини Жанлисъ* (1818 г., 2 ч.), *Подарка моей дочери въ новый годъ, или занимательныхъ вечеровъ для молодыхъ людей* (1818 г., 2 ч.) и *Людвика, или сына челоука съ гениемъ* (1820 г., 2 ч.), — и издатель: *Московскаго Зрителя на 1806 г.* (1806 г., 4 ч.), *Аллаи* на 1808, 1809, 1810 и 1812 годы (1808—1812 г., 14 ч.) и *Дамскаго Журнала* съ 1823 года. (Дамскій Журналъ издавался и въ 1806 году, но не Шаликовымъ.) Собраніе Сочиненій Шаликова вышло въ 1819 году, въ 2 ч. Всѣ эти изданія явились въ Москвѣ. Кромѣ того много статей Шаликова оригинальныхъ и переводныхъ разбросано по періодическимъ изданіямъ. Эта шаликовская невинность, о которой говорить Пушкинъ, мѣтко изображена въ извѣстномъ, хотя и невѣданномъ, *Домѣ Сумасшедшихъ* Воейкова:

«Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣпочкѣ,
Въ ярко бланжевыхъ чулкахъ.»

стію мыслей; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово *мысли*. (1) Арабская сказка — прелесть. (2) Между поэтами не вижу Гнѣдича, — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. (3) «Вчера люблю и мыслю» помѣстятъ со временемъ въ грамматику для примѣра бессмыслицы. (4) Плетникова «Родина» хороша, (5) Баратынскій — чудо, (6) мои пьесы плохи. (7) Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ. (8) Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладываю въ стихи разсказъ молодой женщины:

«Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.»

Принимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣсть,
И, мяуча сладострастно,
Размазю безъ масла вѣсть.»

Въ неизданной рукописи сочиненія одного изъ членовъ бывшаго Арзамаскаго Литературнаго Общества, подъ заглавіемъ: *Парнасскій адресъ-календарь, или Роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при Дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями объ ихъ жизни и заслугахъ*, сказано, что «князь П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокита, князь вралей, находится при составленіи для Феба изъ кинаречныхъ лицъ яичницы.» (Сообщено Е. А. Вердеревскимъ.)

(1) Это касается статьи «Объ удовольствіяхъ на морѣ.» (Стр. 203.)

(2) Арабская сказка — «Витязь буланаго коня», переведенная съ арабскаго О. И. Сенковскимъ (стр. 297).

(3) Въ этой книжкѣ альманаха дѣйствительно нѣтъ произведеній ни того, ни другого.

(4) Мадригалъ Аркадія Родзянки (*Къ милой*, стр. 200) оканчивается слѣдующими стихами, достойными служить примѣромъ бессмыслицы:

«Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю — и мыслю о тебѣ!»

(5) «Родина», стихотвореніе П. А. Плетнева (стр. 196; въ оглавленіи альманаха по ошибкѣ показана 190 стр.). Другія помѣщенные въ этой книжкѣ стихотворенія Плетнева: «Цвѣты» (стр. 57), «Умершая красавица» (стр. 86) и «Невинность» (стр. 236.)

(6) Стихотворенія Баратынскаго, напечатанныя въ этой книжкѣ альманаха, указаны выше.

(7) Изъ стихотвореній Пушкина въ этой книжкѣ напечатаны слѣдующія: «Къ Друзьямъ» (стр. 24), «Нереида» (стр. 29), «Въ альбомѣ малюткѣ» (стр. 60), «Къ Морфею» (стр. 91), «Элегія» (стр. 198), «Отрывокъ изъ посланія къ В. Л. П.» (Василію Львовичу Пушкину, стр. 234), «Домовому» (стр. 318), Элегія «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...» (стр. 314), и «Надпись къ портрету» (стр. 319). Послѣднія два стихотворенія не подписаны. Всѣ они вошли въ собраніе «Сочиненій А. Пушкина» (т. III, стр.: 24, 123 и 169; т. IV, стр.: 200, 201, 243, 256, 263 и 297). Три изъ нихъ напечатаны въ этомъ собраніи по два раза, именно: «Къ Морфею» (т. IX, стр. 390 и 318, подъ заглавіемъ «Сну»), «Къ Адели» (т. III, стр. 123 и 263), перепечатанныя въ числѣ пропущенныхъ (?) въ т. IX, первое — подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ посланія В. Л. П.—ну» (стр. 451), а второе — подъ заглавіемъ «Въ альбомѣ малюткѣ» (стр. 474).

(8) «Бахчисарайскій Фонтанъ», изданный въ началѣ 1824 года, былъ принятъ съ восторгомъ большинствомъ читателей.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя (1).

Третій пунктъ и самый нужный съ эниграфомъ *безъ церемоніи*. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ ***. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я общалъ К., которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. Объ моей поэмѣ нечего и думать. (2) Если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Р., обними Дельвига, брата и сестру.»

8 февраля 1824.

Не имѣя намѣренія слѣдить въ подробности за происшествіями жизни Пушкина въ этомъ періодѣ, ограничимся только тѣми изъ нихъ, которыя имѣютъ какое нибудь отношеніе къ Дельвигу, и потому, оставляя на время Пушкина, возвратимся въ Петербургъ и обратимъ вниманіе читателей на отношенія современнаго общества къ литературѣ.

Въ отсутствіе Пушкина многое измѣнилось въ нашемъ литературномъ мірѣ. Со времени появленія «Руслана и Людмилы», произведенія, начавшаго новую эпоху русской литературы, начинается и болѣе близкое сочувствіе между обществомъ и литературою. «Русланъ и Людмила» — говоритъ Плетневъ — была первая на Русскомъ языкѣ поэма, которую всѣ прочитали, забывши, что до сихъ поръ поэма и скука значили у насъ одно и тоже.» (3) Потребность чтенія распространялась съ каждымъ годомъ, благодаря произведеніямъ новой романтической школы, между тѣмъ какъ журналы первой четверти текущаго вѣка — представители отжившихъ литературныхъ понятій, какъ бы сознавая несовременность своего существованія, по необходимости уступали свое мѣсто другимъ, болѣе энергическимъ органамъ новыхъ литературныхъ идей. По мѣрѣ того, какъ совершалась эта реакція, русская литература дѣлалась однимъ изъ главныхъ предметовъ бесѣды во всѣхъ кружкахъ образованнаго общества, которое еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ почти исключительно сочувствовало литературѣ французской. Конечно, самый сильный и рѣшительный ударъ галломаніи былъ нанесенъ еще двѣнадцатымъ годомъ: вся литература того времени, начиная отъ патриотическихъ стихотвореній Жуковскаго до простонародныхъ сказокъ съ лубочными картинками, проникнута единодушнымъ чувствомъ любви къ отечеству и презрѣнію ко

(1) Эти строки о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» уже были напечатаны въ 1824 году въ «Литературныхъ Листкахъ» (№ III, стр. 147, отдѣлъ Литературныхъ Новостей.)

(2) Безъ сомнѣнія, Пушкинъ подразумѣваетъ «Евгенія Онегина».

(3) Біографія Пушкина. (Современникъ 1838 г., т. X, стр. 27.)

всему французскому. Чтобы убѣдиться въ этомъ общемъ направленіи литературы, стоитъ только взглянуть въ современные періодическія изданія, изъ которыхъ инья, какъ, напримѣръ, «Сынъ Отечества», были даже вызваны событіями незабвеннаго года. Последніе остатки нелѣпаго пристрастія ко всему французскому, встрѣчавшіеся какъ уже исключенія, поражаются безпощаднымъ словомъ сатиры, насмѣшкою и презрѣніемъ. Но въ литературѣ реакція въ пользу русской народности совершалась медленнѣе и послѣдовательнѣе, потому что національность въ литературѣ и искусствѣ есть уже слѣдствіе развитія до нѣкоторой степени національности въ обществѣ, и потому, несмотря даже на всеобщую ненависть ко всему чужеземному, нелегко было освободиться отъ вліянія французской литературы, — вліянія слишкомъ укоренившагося; но, по мѣрѣ того, какъ произведенія нашей словесности освобождались отъ чужеземныхъ вліяній и, отражая идеи современнаго общества, приобрѣтали своеобразный, отличительный характеръ, сочувствіе общества къ литературѣ возрастало и уже окончательно выразилось въ началѣ двадцатыхъ годовъ, ознаменованныхъ появленіемъ первыхъ поэмъ Пушкина и блестящею дѣятельностью Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова и Грибоѣдова.

Это общественное сочувствіе къ современнымъ литературнымъ интересамъ отчасти высказывалось многочисленными въ то время собраніями, имѣвшими исключительную, или по крайней мѣрѣ главную, цѣлью литературу. Еще во время пребыванія Пушкина и Дельвига въ Лицеѣ, бывали литературные вечера въ одномъ изъ царско-сельскихъ обществъ, и оба поэта были постоянными посѣтителями этихъ собраній. Кромѣ нѣсколькихъ официальныхъ литературныхъ обществъ, о дѣятельности которыхъ уже было сказано во второй статьѣ предлагаемаго труда (стр. 22—26), уже до отъѣзда Пушкина изъ Петербурга существовало нѣсколько частныхъ дружескихъ литературныхъ кружковъ. Въ домѣ и семействѣ А. Н. Оленина собирались всѣ литературныя и художественныя знаменитости столицы. «Тамъ — говоритъ Плетневъ — не покровительствовали только, а любили таланты, участвовали въ ихъ занятіяхъ, входили во всѣ подробности трудовъ ихъ и возбуждали ихъ дѣятельность не только совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою.» (1) Карамзинъ, переселившійся въ 1816 году изъ Москвы въ Петербургъ (2) и посвящавшій большую часть дня своему незабвенному

(1) «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова.» (Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, 1847 г., т. I, стр. XLVII.)

(2) «Словарь достопамятныхъ людей» Байгынъ-Камеискаго, 1847 г., часть вторая, стр. 138. «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова, изданіе пятое, часть III, прилѣжанія къ первой части, стр. 34.

туду, проводилъ каждый вечеръ въ собиравшемся у него обществѣ. ⁽¹⁾ «Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали свое мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Пушкинъ, тамъ же, между графомъ С. Румянцовымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ.» ⁽²⁾

Жуковскій, также переселившійся, въ 1815 году, изъ Москвы въ Петербургъ ⁽³⁾, соединилъ около себя всѣ таланты. То же общество, которое встрѣчалось у Карамзина, собиралось разъ въ недѣлю, по субботамъ (привилегированный день литературныхъ собраній), къ Жуковскому. ⁽⁴⁾ У него Пушкинъ прочитывалъ каждую новую пѣсню «Руслана и Людмилы», и многіе изъ молодыхъ писателей встрѣчали здѣсь первое поощреніе своимъ талантамъ. ⁽⁵⁾

По отъѣздѣ Жуковского за границу въ 1820 году, въ тѣ же самые дни, собирався у Плетнева небольшой литературный кружокъ, постояннымъ членомъ котораго былъ Дельвигъ, и о которомъ мы говорили уже во второй нашей статьѣ (стр. 54).

По мѣрѣ того, какъ съ возрастающимъ сочувствіемъ общества къ литературѣ распространялась потребность чтенія, собранія съ литературною цѣлью все болѣе и болѣе входили въ обыкновеніе и

⁽¹⁾ «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова.» (Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, т. I, стр. LIX.) Эти дружескія литературныя бесѣды у Карамзина описаны довольно обстоятельно въ статьѣ О. В. Булгарина «Встрѣча съ Карамзинымъ» (Альбомъ Сѣверныхъ Музъ, альманахъ на 1828 г., изданный А. И., стр. 150—164); перепечатано въ собраніи «Сочиненій Фаддея Булгарина», ч. III, стр. 178 и 202 (изд. 1830 г.) и съ нѣкоторыми исключеніями въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть I, стр. 267—274). Объ этой статьѣ говоритъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ къ Дельвигу (отъ 31 іюля 1827 года).

⁽²⁾ «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова.» (Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, т. I, стр. LIX.)

⁽³⁾ «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія ко второй части, стр. 97).

⁽⁴⁾ «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова.» (Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, т. I, стр. LIX.)

⁽⁵⁾ Биографія Пушкина (Современникъ 1838 г., т. X, стр. 27); «Портретная и биографическая галлерей словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи», 1841 г. (I, стр. 4), и «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія ко второй части, стр. 119).

дѣлались любимымъ развлеченіемъ не только въ домахъ записныхъ литераторовъ, но даже въ другихъ кружкахъ образованнаго общества. Такъ, напримѣръ, «въ 1819 году — по свидѣтельству г. Булгарина — въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ Петербургъ (Французскому дворянину) любители Словесности, изъ находившихся въ то время въ столицѣ Французскихъ путешественниковъ, чиновниковъ, и нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ изъ высшаго класса Русскаго общества.... Время на сихъ литературныхъ вечерахъ проводилось чрезвычайно весело. Читали переводы съ Русскаго языка и небольшія оригинальныя статьи; разговаривали, шутили.... Присутствіе дамъ, прекрасныхъ и умныхъ, одушевляло бесѣду.» ⁽¹⁾

Со времени появленія поэмы Пушкина, окончательно пробудившей общественное вниманіе къ литературѣ, подобныя собранія сдѣлались еще обыкновеннѣе. «Въ Петербургѣ — говоритъ А. Измайловъ — съ нынѣшней зимы (1821 года) завелись въ нѣкоторыхъ домахъ литературныя собранія. Въ положенный день въ недѣлю сходятся, тамъ или здѣсь, пять, десять человекъ извѣстныхъ литераторовъ и молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться извѣстными, пьютъ чай, разговариваютъ о матеріяхъ, до словесности, наукъ и художествъ касающихся, сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія, наблюденія, открытія, обсуживаютъ вмѣстѣ и общими силами важныя предметы, спорятъ и расходятся, чтобъ завтра или послѣ завтра сойтись въ другомъ мѣстѣ и продолжать начатое. Польза таковыхъ собраній очевидна. Желательно, чтобъ они больше и больше входили въ обыкновеніе.» ⁽²⁾

Эти литературныя бесѣды, происходила въ извѣстномъ кругу и потому не удовлетворяя убѣжденіямъ всѣхъ партій, нерѣдко возбуждали непріязненное чувство въ людяхъ, видѣвшихъ въ нихъ, какъ и вообще въ произведеніяхъ новой литературной школы, торжество противоположныхъ идей, и потому подвергались журнальнымъ насмѣшкамъ. Правду сказать, въ этихъ собраніяхъ иногда было надъ чѣмъ посмѣяться, и самъ Измайловъ, такъ любившій литературныя бесѣды, не пропускалъ случая посмѣяться надъ этою страстью, которая, при крайней снисходительности и отсутствіи критическаго взгляда, нерѣдко давала просторъ самой бездарной и бесполезной дѣятельности.

⁽¹⁾ «Встрѣча съ Карамзинымъ.» (Альбомъ Сѣверныхъ Музъ, стр. 138.) Объ этой статьѣ уже упомянуто выше.

⁽²⁾ «Благонамѣренный» 1821 года (№№ XI и XII). Отрывокъ этотъ приведенъ и во второй статьѣ А. Д. Галахова о сочиненіяхъ Измайлова. (Современникъ 1850 года, № X, Критика, стр. 82.)

Въ «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ», о которыхъ мы уже не разъ имѣли случай говорить (во второй статьѣ, стр. 57—59), явилось слѣдующее извѣстіе объ одномъ изъ подобныхъ собраній:

«Первѣйшій поэтъ нашъ г. Пегасинъ, въ день своего рожденія давалъ друзьямъ своимъ стихотворный обѣдъ. За горячимъ читали *торжественную Оду*; за холоднымъ — отрывокъ изъ *Дидактической Поэмы*; за соусами — *Смѣсь*, какъ то: дружескія посланія, романсы, баллады и проч.; за жаркимъ — *Героиду гексаметрами*, изъ которыхъ многія состояли только изъ односложныхъ словъ; за десертомъ — *Мадригалы, триолеты, альбомные стихи, и т. п.*» (*)

Неустановившіяся еще литературныя понятія, приведенныя въ броженіе борьбою классицизма съ романтизмомъ, неизбѣжно отражались на чтеніяхъ и бесѣдахъ въ литературныхъ собраніяхъ, и противорѣчія, нерѣдко оттого возникавшія, дали поводъ къ журнальнымъ насмѣшкамъ, если не совсѣмъ безпристрастнымъ, то и не лишеннымъ основанія.

Въ «Сѣверномъ Архивѣ», журналѣ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и нравовъ», издававшемся (съ 1822 года) Ѳ. В. Булгаринимъ и Н. И. Гречемъ, напечатано письмо къ знакомому уже намъ Архипу Оаддеевичу Зерову, подъ заглавіемъ *Вечеръ у Литераторовъ* (годъ 1827, часть 26, № VI, стр. 180—196), съ подписью В. У. Авторъ статьи, вспоминая о скромныхъ литературныхъ собраніяхъ, происходившихъ, въ концѣ прошлаго вѣка, у содержателя типографіи В. А. Плавильщикова, описываетъ литературный вечеръ у одного изъ молодыхъ нашихъ поэтовъ. Общество состояло изъ шести или семи молодыхъ писателей (стр. 182), «недавно окончившихъ курсъ наукъ» (стр. 184). Чтеніе началось «Разсужденіемъ о Классической Поэзіи», съ грозными выходками противъ романтическихъ авторовъ (стр. 183). Потомъ «прочитано было «Разсужденіе объ отличительныхъ чертахъ романтической поэзіи», въ коемъ авторъ превознесъ ее до небесъ, и рѣшительно сказалъ, что намъ давно пора оставить избитую почву классическую; по окончаніи чтенія воспослѣдовали такія же единогласныя похвалы, какъ и послѣ первой диссертациі. То-то миролюбивый народъ (восклицаетъ В. У.), на все согласны!» (Стр. 183.) Въ то время дѣйствительно являлось множество разсужденій о классицизмѣ и романтизмѣ,—разсужденій

(*) «Полное Собраніе Сочиненій русскихъ авторовъ», изданіе Александра Смирдина. «Сочиненія Измайлова» (Александра Ефимовича), томъ II, «Сатирическія Вѣдомости» (стр. 597—598). Упомянутый въ этомъ отрывкѣ Пегасинъ является въ другомъ извѣстїи въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» (стр. 602) камердинеромъ и архивариусомъ стихотворца Рюемюлова.

темныхъ, запутанныхъ и болѣею частію противорѣчащихъ одно другому, и потому замѣчанія В. У. отчасти справедливы въ примѣненіи ко многимъ послѣдователямъ романтической школы. Третье разсужденіе, читанное на описываемомъ литературномъ вечерѣ, было о «Германскомъ Идеализмѣ», «въ коемъ — по словамъ В. У. — авторъ силится доказать, что мы до сихъ поръ въ ослѣпленіи... что намъ должно посредствомъ вышереченнаго Идеализма вознестись духомъ къ первымъ началамъ въ областяхъ познаній человѣческихъ, что тогда только можно будетъ подчинить Изыщное законамъ Математики...» и проч. (Стр. 183.) «Признаюсь — продолжаетъ В. У. — я ничего не поналъ изъ этого хаоса темныхъ запутанныхъ фразъ, а когда дѣло дошло до подведенія Изыщнаго подъ законы Математики, то я невольно вспомнилъ забавную Комедію Фосса, въ коей женихъ, посредствомъ Астролябіи, измѣряетъ, сколько линій недостаетъ въ длинѣ носа его любезной, для того, чтобы ей быть красавицею по правиламъ Эстетики?» (Стр. 184.) «За ужиномъ Гг. Литераторы поразвеселились и сочинили нѣсколько прекрасныхъ куплетовъ и очень удачныхъ эпиграммъ, qui avaient le mérite de l'à-propos.» (Стр. 193.) «Эти господа — говоритъ В. У. — вмѣсто того, чтобы помогать другъ другу совѣтами... повторяютъ вытверженное ими подъ каедрю Профессоровъ.» (Стр. 193.) «Правила Эстетики — продолжаетъ авторъ письма — подобны изрѣченіямъ древнихъ Оракуловъ: ихъ можно толковать какъ хочешь, въ ту или другую сторону» (?!), и потому «молодые наши Литераторы во зло употребляютъ эту удобность; и посредствомъ оной, звалютъ или бранятъ автора, судя потому, въ какихъ сношеніяхъ онъ съ ними находится.» (Стр. 194.) Въ послѣдней выходкѣ нельзя не узвать намекъ на дружескія отношенія, въ которыхъ находились между собою Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій и Плетневъ.

Но, несмотря на эти журнальныя выходки, несмотря на нѣкоторыя дѣйствительно смѣшныя стороны литературныхъ собраній, польза, которую приносили эти бесѣды обществу, языку и литературѣ — несомнѣнна. Здѣсь, во имя одной цѣли, сблизались всѣ классы образованнаго общества, забывая различіе званій и состояній; здѣсь возбуждалось и поддерживалось стремленіе къ литературной дѣятельности; здѣсь образовывался нашъ разговорный, живой и своеобразный языкъ, быть можетъ, впервые входившій во всѣ свои права. Польза этихъ собраній для нашего языка и общественности тѣмъ ощутительнѣе, что они оживлялись присутствіемъ образованныхъ женщинъ, которыя не только принимали въ нихъ ревностное участіе, но были нерѣдко учредительницами и председа-

тельницами литературных бесѣдъ; и въ то время, когда Пушкинъ, вдали отъ Петербурга, жаловался на равнодушіе русскихъ читателей и, въ припадкѣ литературнаго скептицизма, увѣрялъ, что «ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ» (см. приведенное выше письмо Пушкина), произведенія его съ жадностью читались и выучивались наизусть нашими «красавицами», которымъ онъ посвятилъ свою первую поэмю, и которыхъ заставлялъ полюбить русскую литературу съ перваго же знакомства съ нею, такъ что, вопреки предсказанію Пушкина и съ легкой руки его «Руслана», читатели едва ли у насъ не болѣе, чѣмъ читателей. Участіе нашихъ соотечественницъ въ литературной дѣятельности началось еще въ царствованіе Екатерины: великая государыня сама подавала примѣръ къ литературнымъ занятіямъ; (*) но это участіе, какъ слѣдствіе только случайныхъ причинъ, было временное и хотя имѣло значительное вліяніе на распространеніе образованія въ высшемъ обществѣ, но не могло принести существенной пользы нашему языку и литературѣ, потому что сотрудницы въ литературныхъ занятіяхъ государыни и вообще весьма многія изъ современныхъ писательницъ предпочитали для своихъ опытовъ языкъ французскій, который былъ разговорнымъ языкомъ Двора и высшаго общества. Болѣе естественныя причины и болѣе прочныя послѣдствія имѣло участіе нашихъ соотечественницъ въ литературномъ движеніи двадцатыхъ годовъ. Участіе это было явленіемъ не случайнымъ, но имѣло непосредственную органическую связь съ движеніемъ литературы и ея сближеніемъ съ обществомъ, и потому не осталось безъ благотворныхъ послѣдствій. Литературныя бесѣды, происходившія въ домахъ нѣкоторыхъ любительницъ литературы, принимавшихъ въ ней ревностное участіе словомъ и примѣромъ, не имѣли большой извѣстности, но безъ шума служили важному дѣлу распространенія вкуса и литературнаго образованія. Мы даже позволяемъ себѣ думать, не въ обиду знаменитымъ вечерамъ у маркизы Рамбуль (на которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, осуждали Корнеля и Расина и поощряли бездарныхъ Вуатюра и Прудо-на), что наши скромныя литературныя собранія двадцатыхъ годовъ, вызванныя не тщеславіемъ и модой, а дѣйствительною потребностью общества къ проявленію своей умственной дѣятельности далѣе круга ежедневной жизни, принесли, въ своей скромной сферѣ, не менѣе пользы нашему языку и общественности, нежели *hôtel*

(*) Въ Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ хранятся писанные рукою Императрицы протоколы литературныхъ засѣданій, происходившихъ подъ ея предѣлательствомъ.

Rambouillet—французскому обществу, имѣвшему уже опредѣленный характеръ, и языку, въ то время уже установившемуся.

Собранія и бесѣды, имѣвшія предметомъ русскую литературу, не ограничивались Петербургомъ и Москвою. Общественное сочувствіе къ литературѣ проявлялось всюду, даже вдали отъ нашего отечества. Такъ, напр., въ Парижѣ, въ 1823 г., въ домѣ графа Григорія Орлова, автора «Записокъ о Неаполитанскомъ Королевствѣ» и «Исторіи музыки и живописи въ Италіи», приготовлявшаго въ то время къ печати сочиненіе свое «Путешествіе по Франціи» (*Voyage dans une partie de la France*), собирались всѣ извѣстѣйшіе ученые и литераторы, и графиня А. И. Орлова (урожденная графиня Салтыкова), оживлявшая эти собранія своимъ очаровательнымъ умомъ, бесѣдовала съ своими посѣтителемъ о русской литературѣ. Она даже предложила мысль о новомъ переводѣ басенъ Крылова на французскій языкъ, и всѣ знаменитые тогдашніе литераторы изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ. По свидѣтельству П. А. Плетнева, пятьдесятъ-семь талантовъ соединились, чтобы одолѣть одинъ, и въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. (1) Но графиня, уже давно не пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, скончалась (1824 года, 17 декабря), и съ смертію ея разстроились эти собранія, которымъ французская литература обязана едва ли не первымъ знакомствомъ съ русскою. (2)

Учредительницею и предѣлательницею одного изъ такихъ литературныхъ кружковъ въ Петербургѣ была Софья Дмитріевна Пономарева, одна изъ любезнѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. О жизни этой замѣчательной женщины не сохранилось печатныхъ извѣстій; свѣдѣнія же, собранныя нами, весьма скудны. С. Д. Пономарева была урожденная Познякъ. (3) Братъ ея, Иванъ Дмитричъ, уже умершій, воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ вмѣстѣ съ Дельвигомъ и былъ моложе его однимъ

(1) «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова» П. А. Плетнева. (Полное собраніе сочиненій И. Крылова, 1847 г., т. I, стр. LXI—LXII.) Изъ этой статьи и заимствованы отчасти сообщаемыя свѣдѣнія объ Орловыхъ. О сочиненіяхъ гр. Орлова упоминается въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (№ V1, стр. 240.)

(2) Въ началѣ 1825 года явилась написанная на итальянскомъ языкѣ ода на смерть графини Орловой (*Alla memoria della contessa Anna Orloff*), сочиненія Лампреди, съ переводомъ въ прозѣ Амори-Дювала. Стихотвореніе это приписывалось генералу Филанжери, сыну извѣстнаго автора «Науки законодательства». Объ этой одѣ говорится въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1825 г. (№ 161, стр. 645), гдѣ находятся также краткія некрологическія свѣдѣнія о графинѣ Орловой.

(3) Сообщено кн. Д. А. Э., швейцарскимъ товарищемъ яв брат

курсомъ. ⁽¹⁾ Софья Дмитріевна часто навѣщала своего брата, и обыкновенно въ сопровожденіи А. Е. Измайлова. ⁽²⁾ Въ эти поѣздки, которыя не ограничивались кратковременнымъ посѣщеніемъ Лицея, Софья Дмитріевна познакомилась со многими изъ товарищей ея брата, и въ томъ числѣ съ Дельвигомъ, который уже былъ тогда въ старшихъ классахъ, и нерѣдко проводила въ ихъ шумномъ обществѣ цѣлые дни. ⁽³⁾ Въ зимніе вечера въ домѣ Софьи Дмитріевны собиралось многочисленное и разнообразное общество; здѣсь встрѣчались свѣтскіе молодые люди; нерѣдко устраивались танцы, которые такъ любила хозяйка, и, слѣдуя ея примѣру, все общество отдавалось самой чистосердечной веселости. Но подобныя собранія, хотя и льстившія самолюбію Софьи Дмитріевны, не могли удовлетворять ея уму и образованію. Она искала другого общества, другихъ впечатлѣній, и съ зимы 1821 года учредились литературные вечера въ ея домѣ. Въ гостиной Софьи Дмитріевны собирались литераторы всѣхъ партій, всѣхъ убѣжденій, потому что своенравный умъ ея, жажда переменъ и разнообразія впечатлѣній не довольствовались однимъ и тѣмъ же кружкомъ: сегодня собирались у нея Измайловъ, Панаевъ, Сомовъ, многіе изъ второстепенныхъ сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», члены Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, собиравшагося подъ предсѣдательствомъ Измайлова, и вообще его партія; въ другой день туда являлись Дельвигъ, Гнѣдичъ, Баратынскій, Илличевскій и вообще послѣдователи новой школы. Случалось даже, что обѣ партіи встрѣчались, и даже, какъ будто заключивъ перемиріе, встрѣчались безъ непріязненнаго чувства, читали свои и чужія произведенія, бесѣдовали, бесконечно спорили, шумѣли, сочиняли эниграммы другъ на друга и расходились уже за полночь, довольные собой и очарованные любовью хозяйки. Софья Дмитріевна, которая, по словамъ Измайлова,

«Была, какъ Грація, мила
И образована какъ Музы», ⁽⁴⁾

⁽¹⁾ «Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея» на 1850—1851 годъ (стр. 73).

«Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея» на 1852—1853 годъ (стр. 80). Въ послѣдней онъ названъ *Позняковымъ*. Въ этихъ же книжкахъ помечены съ небольшими пропусками всѣ воспитанники Лицея, и въ томъ числѣ товарищи Пушкина и Дельвига, съ указаніемъ занимаемыхъ ими должностей.

⁽²⁾ Сообщено кн. Д. А. Э.

⁽³⁾ Сообщено имъ же.

⁽⁴⁾ Изъ «Надгробія Софьи Дмитріевны Пономаревой» (третьяго), напечатаннаго въ «Благонамѣренномъ» 1824 года. (№ VIII, стр. 146.) Эти два стиха взяты

дѣйствительно имѣла рѣдкую способность оживлять и сближать самое разбѣденное общество и обладала всеми средствами нравиться и плѣнять: по словамъ того же Измайлова, самаго ревностнаго изъ ея поклонниковъ, у ней были:

.... «и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ тонкій, острота,
Пріятныя и рѣдкія познанья,
И непритворная, прямая доброта.» ⁽¹⁾

И потому не удивительно, что она «была украшеніемъ, душею дружескихъ ученыхъ бесѣдъ», и «оживляла ихъ своею любезностью и остроуміемъ.» Въ современныхъ журналахъ и альманахахъ весьма часто встрѣчаются стихотворенія въ честь Софьи Дмитріевны, и, быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ читателей не разъ останавливались въ недоумѣніи надъ таинственными буквами С. Д. П. Большая часть изъ петербургскихъ современныхъ ей поэтовъ (а поэтовъ тогда было очень много) воспѣвали Софью Дмитріевну, какъ могли и умѣли, въ посланіяхъ, надписяхъ, мадригалахъ и экспромтахъ, и альбомъ ея (тогда было царство альбомныхъ стиховъ и альбомовъ) почти съ каждымъ днемъ украшался какимъ нибудь новымъ стихотвореніемъ.

Не знаемъ, сохранился ли этотъ альбомъ и у кого, но не сомнѣваемся, что онъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ альбомовъ. Въ немъ встрѣчались имена и произведенія большей части литературныхъ дѣятелей того времени и многихъ художниковъ и любителей. Автору предлагаемой статьи не случалось видѣть этого альбома; но, судя по стихотвореніямъ, переходившимъ изъ него въ альманахи и періодическія изданія, нетрудно составить себѣ нѣкоторое понятіе о его содержаніи. Первое мѣсто, если не по достоинству, то по численности, занимали въ немъ надписи, мадригалы и экспромты А. Е. Измайлова. ⁽²⁾

съ нѣкоторыми переизданіями изъ прежней «Надписи къ портрету С. Д. П.», Измайлова же, напечатанной въ «Благонамѣренномъ» 1820 года (№ VIII) и перепечатанной въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Измайлова» (т. I, стр. 326).

⁽¹⁾ Изъ «Надгробія Софьи Дмитріевны Пономаревой» (перваго), напечатаннаго въ «Благонамѣренномъ» 1824 года (№ VIII, стр. 146) и перепечатаннаго въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Измайлова» (т. I, стр. 330).

⁽²⁾ Именно:

1. «Надпись къ портрету С. Д. П.», о которой мы упоминали выше, напечатанная въ «Благонамѣренномъ» 1820 г. (№ XVIII), съ подписью И., и перепечатанная въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Измайлова» (т. I, стр. 326).

2. «Ей же въ альбомъ», стихотвореніе, напечатанное въ «Благонамѣренномъ» 1821 г. (ч. XIV, стр. 27), съ подписью И., пропущенное въ собраніяхъ его сочиненій.

Тамъ же можно найти стихотворенія: В. И. Панаева ⁽¹⁾, О. М. Сомова ⁽²⁾, И. Кованько ⁽³⁾, А. Д. Илличевского ⁽⁴⁾, П. А. Шлетнева ⁽⁵⁾ и другихъ.

3. «С. Д. П. (на день ея рожденія) 25 сент. 1821 г.», напечатанное въ «Благонамѣренномъ» 1821 года (ч. XVII, стр. 37), съ подписью *Басниъ* (псевдонимъ Измайлова), и перепечатанное въ смірдинскомъ изданіи его сочиненій (т. I, стр. 276).

4. «Экспромты С. Д. П. (въ день ея ангела) 17 сент. 1822 и 1823 г.» и «Ей же (въ день ея рожденія) 25 сент. 1823 г.», напечатанные въ «Благонамѣренномъ» 1825 г. (№ II, стр. 66) съ подписью *И.*, перепечатанные въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 годъ. Послѣдніе два экспромта перепечатаны въ «Опытъ Русской Анеологии» М. Яковлева, 1828 г. (стр. 48), а первые два помѣщены и въ смірдинскомъ изданіи сочиненій Измайлова (т. I, стр. 336).

5. «На болѣзнь С. Д. П.» (Невскій альманахъ на 1825 годъ, стр. 226—228, съ подписью *А. Изм.*, и «Благонамѣренный» 1825 г., № VI, стр. 222, съ подписью *И.*) Стихотвореніе это, напечатанное въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Измайлова» (т. I, стр. 298—299), приведено и въ статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ (Современникъ 1850, № X, Критика, стр. 81).

6. «Въ альбомъ NN» (Календарь Музы на 1826 г., изд. А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ, стр. 22), перепечатанное въ смірдинскомъ изданіи «Сочиненій Измайлова» (т. I, стр. 278—279), подъ заглавіемъ *С. Д. П.*

7. «Въ альбомъ С. Д. П.» (Сочиненія Измайлова, т. I, стр. 338.)

8. *С. Д. П...ой*, по случаю пробы комедіи «Провинціальный Адонистъ», въ которой она играла роль слуги *Ивана* («Календарь Музы» на 1826 г., стр. 113), и «Сочиненія Измайлова» (т. I, стр. 338).

9. Сказка «Собака и воръ», пось. С. Д. П.—й. «Сочиненія Измайлова» (т. I, стр. 150).

Кромѣ того, по смерти С. Д. Пономаревой Измайловъ посвятилъ ей памяти нѣсколько статей въ прозѣ и стихахъ, именно: «Мысли при гробѣ С. Д. П.» («Благонамѣренный» 1824 г., № IX, стр. 205, и «Сочиненія Измайлова», т. II, стр. 557), «Кантата на кончину С. Д. П.» («Календарь Музы» на 1826 г., стр. 131, и «Сочиненія Измайлова», т. II, стр. 242—244); три «Надгробія Софьи Дмитриевны Пономаревой» («Благонамѣренный» 1824 г., № VIII, стр. 146, и «Сочиненія Измайлова», т. II, стр. 330, гдѣ не помѣщено третье надгробіе, — безъ сомнѣнія, потому, что оно есть повтореніе «Написи къ портрету С. Д. П.», какъ уже сказано выше), и «Собака и Секретарь», быль и сказка («Календарь Музы» на 1826 годъ, стр. 86, и «Сочиненія Измайлова», т. I, стр. 67).

⁽¹⁾ «Въ альбомъ С. Д. П.» «Календарь Музы» на 1826 (стр. 90).

⁽²⁾ «Споръ на Олимпѣ. С. Д. П...ой.» «Благонамѣренный» 1821 г. (ч. XIV, стр. 17).

⁽³⁾ «Въ альбомъ С. Д. Пономаревой.» «Благонамѣренный» 1818 г. (ч. VII, стр. 147).

⁽⁴⁾ «Къ альбому С. Д. П...ой», стихотвореніе, написанное еще до личнаго знакомства Илличевского съ С. Д. (Опыты въ автологическомъ родѣ А. Илличевского. Сиб. 1827 стр. 30).

«С. Д. П...ой, поручившей мнѣ переписать въ альбомъ нѣсколько моихъ Эпиграммъ» (тамъ же стр. 45), стихотвореніе, изъ котораго можно заключить, что въ альбомѣ С. Д. было много произведеній Илличевского. — «Наша и Дернишь», сказка изъ Флоріана, пось. С. Д. П...ой.» «Благонамѣренный» 1823 г. (№ II, стр. 155). Стихотвореніе это не помѣщено въ «Опытахъ» Илличевского.

Кромѣ того у Илличевского есть стихотворенія: «Любимой собакѣ С. Д. П.» «Благонамѣренный» 1822 г. (ч. XX, стр. 240), перепечатанное и въ «Опытахъ» (стр. 94), подъ заглавіемъ «Любимой собакѣ прекрасной дамы», и «На ошейникъ собачкѣ» (Опыты, стр. 114).

⁽⁵⁾ «Въ альбомъ С. Д. П...ой.» (Полярная Звѣзда на 1823 годъ, стр. 109.) Это весьма удачное стихотвореніе, безъ всякаго сравненія, лучшее изъ всѣхъ

Стихотворенія Дельвига занимаютъ здѣсь также не послѣднее мѣсто. Вообще С. Д. Пономарева имѣла значительное вліяніе на жизнь и музу нашего поэта, что даже доказывается нѣкоторыми изъ его произведеній. По собственному признанію Дельвига, она пробудила звуки любви въ его лирѣ, на которой онъ воспѣвалъ до тѣхъ поръ только вино и дружбу. Вотъ его стихотвореніе, написанное, какъ видно изъ его рукописей, въ альбомѣ С. Д. Пономаревой, появившееся въ печати подъ заглавіемъ:

КЪ ЛИРѢ.

О чародѣйство красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,
Безумной юности мечты,
И пѣлъ, товарищамъ угодный,

Вино и дружество: но ты

Явилась, душу мнѣ для муки пробудила,

И лира про любовь опять заговорила. (*)

Когда Дельвигъ отчаянно занемогъ, С. Д. принимала самое нѣжное, дружеское участіе въ судьбѣ поэта, и первое возвращеніе его силъ было посвящено благодарности за это дружеское, животворное участіе. Посланіе, написанное по этому случаю *Къ С. Д. П...ой* (какъ оно названо въ рукописяхъ поэта), явилось въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 года (часть XXVII, стр. 6), подъ заглавіемъ *Къ Софьи*, съ подписью *Баронъ Дельвигъ*. Оно пропущено въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, и потому представляется здѣсь:

За ваше нѣжное участіе

Больной пѣвецъ благодаритъ:

Оно его животворитъ;

названныхъ нами, написано, судя по его содержанію, когда авторъ его не былъ еще лично знакомъ съ С. Д.

Кромѣ названныхъ стихотвореній есть еще у Гиблича стихотвореніе «На смерть С. Д. П.», напечатанное въ «Опытѣ Русской Анеологии» М. А. Яковлева (стр. 7), въ изданіи въ 1832 г. собраніи «Стихотвореній Н. Гиблича» (стр. 205) и въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изд. пятое, часть II, стр. 312). Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ оно явилось только подъ заглавіемъ «На смерть ...»

(*) Стихотвореніе это было напечатано въ такомъ видѣ въ «Новостяхъ Литературы», изд. А. Воейковымъ и В. Козловымъ (1823 г., кн. V, стр. 191). Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига оно напечатано (въ первомъ — на стр. 125, и во второмъ — на стр. 93) подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ», съ слѣдующею переменою въ первомъ стихѣ:

«О сила чудной красоты!»

Онъ молитъ: «Боже, дай ей счастье
Въ спутники грядущихъ дней!
Болѣзни мнѣ, здоровье ей!
Пусть я по жизненной дорогѣ
Пройду и въ мукахъ и тревогѣ:
Ее жь пускай ведутъ съ собой
Довольство, радость и покой!»

Вчера я былъ въ дверяхъ могилы;
Я таялъ въ медленномъ огнѣ;
Я видѣлъ: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взоръ бросала мнѣ;
Ни мысли въ головѣ, ни чувства ⁽¹⁾
Въ недужномъ сердцѣ не храня,
Терялъ невольно вѣру я
Врачей въ печальныя искусства:
Свой одръ въ мечтахъ я окружалъ
Судьбой отнятымъ друзьями,
Въ послѣдній разъ имъ руки жалъ,
Молилъ послѣдними словами
Мой бѣдный гробъ не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще съ лучшими мечтами
Мечту о другѣ съединять.

И вѣсть о васъ, какъ вѣсть спасенья,
Надежду въ сердце пролила;
Въ душѣ проснулись волненья:
И въ вашемъ образѣ пришла
Ко мнѣ порою усыпленья
Игея съ чашей исцѣленья....» ⁽²⁾

⁽¹⁾ Въ рукописи Дельвига эта строка изъѣвлена слѣдующимъ образомъ:
«О жизни сладостнаго чувства....»

⁽²⁾ Быть можетъ, по случаю этой же болѣзни написано слѣдующее неизданное стихотвореніе Дельвига:

УСПОКОЕНІЕ.

«Въ моей крови
Огонь любви!
Вотще усилъя,
Мой Гиппократъ!
Ужь слышу, крылья
Тѣней шумятъ!
Ихъ зрю въ полетѣ!
Зовутъ, манятъ
Къ подземной Летѣ,
Въ безмолвный аль.»

(Изъ рукописей поэта.)

Дельвигъ, всегда любившій грѣшить дружескими посланіями, слѣдовалъ въ настоящемъ случаѣ не столько обычаю того времени, сколько собственному влеченію. Въ числѣ его произведеній перѣдко встрѣчаются стихотворенія, предметомъ которыхъ была Софья Дмитриевна. Напримѣръ, являются въ 1823 году «Воспоминанія объ Испаніи» Ф. В. Булгарина; объ этой литературной новости говорить на вечерѣ у С. Д., и на другой день Дельвигъ посылаетъ сочиненіе Булгарина съ слѣдующимъ сонетомъ

С. Д. П-ОЙ.

Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ,
Онъ намъ не гость, но родственникъ и свой,
Подъ кастаньетъ съ веселой красотой
Поетъ романъ и пляшетъ какъ Испанецъ.

Его огнемъ въ щекахъ блеститъ румянецъ,
Пылаетъ грудь, сверкаетъ взоръ живой,
Горятъ уста Испанки молодой;
И вѣтъ миртъ и дышетъ померанецъ.

Но онъ и къ намъ, всесильный, не суровъ,
И къ Сѣверу мы зримъ его вниманье:
Не онъ ли далъ очамъ твоимъ блистанье,
Устамъ кораллъ, жемчужный рядъ зубовъ,
И въ кудри свилъ сей мягкій шелкъ власовъ,
И всю тебя одѣлъ въ очарованье! ⁽¹⁾

Умираетъ у Софьи Дмитриевны ея любимая собачка *Мальвина*, Дельвигъ, по желанію неутѣшной ея владѣтельницы, сочиняетъ на этотъ случай элегію, въ подражаніе извѣстному стихотворенію Катутла на смерть воробья Лесбій, переведенному А. Х. Востоковымъ, и оплакиваетъ Мальвину, которая

..... «ушла за Меркуріемъ

За Коцитъ и за Лету печальную,
Невозвратно въ обитель Аидову,
Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбій
На рукахъ у Катутла чиликаетъ.» ⁽²⁾

⁽¹⁾ Сонетъ этотъ напечатанъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ (стр. 25 — 63).

Въ «Полярной Звѣздѣ», во «Взглядѣ на русскую словесность въ теченіи 1823 года», напечатано (стр. 4 — 5) нѣсколько словъ о сочиненіи г. Булгарина, доказывающихъ, что оно имѣло въ свое время нѣкоторый успѣхъ, благодаря новости предмета и легкости изложенія.

⁽²⁾ Стихотвореніе это было напечатано уже нѣсколько лѣтъ спустя, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 65), съ перемѣною, сравнительно съ рукописью, собственныхъ именъ (вмѣсто *Софія* — *Лидія*, вмѣсто *Мальвина* — *Ами-Т. XLIII. Отд. III.*

Вообще въ числѣ стихотвореній Дельвига находимъ довольно много такихъ, которыя, хотя и не означены именемъ С. Д., но, по всей вѣроятности, обязаны ей своимъ существованіемъ. Къ та-

ка), и примѣчаніемъ отъ автора, что эта шутка «написана въ угодность одной дамѣ» (стр. 67). Въ этомъ же видѣ, но безъ примѣчанія, элегія напечатана и въ обоихъ собраніяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 40, а во второмъ — 27).

А. Измайловъ, не пропускавшій случая посмѣяться надъ «поэтами-баловнями», намекаетъ на эту шутку въ своей элегической поэмѣ «Рыжій Конь». (Сочиненія Измайлова, т. I, стр. 541—546.) Онъ говоритъ, что въ отрочествѣ своемъ онъ (Измайловъ) сокрушался «о кончинѣ Абрикоски и Венерки, развернувшихъ стихотворный даръ его», и о черной москѣ; что перваго оплакалъ онъ силлабическими, а вторую — ямбическими стихами, — послѣднюю же (незабвенную черную москву) — стихотворною прозою». (Стр. 544.)

Мысль пользоваться подобными случаями для пародій была и въ то время не нова и принадлежитъ не Дельвигу: еще у Расина находимъ шуточную элегію на латинскомъ языкѣ на смерть дворовой собаки Работина, означивающуюся слѣдующими двумя стихами:

«Semper honor, Rabotine, tuus, laudesque manebunt;
Carminibus vives tempus in omne meis...»

(т-е. твое достоинство и похвалы тебѣ, Работинъ, останутся навсегда; во все времена будешь живъ моими пѣснями.) Въ русской литературѣ также уже встрѣчались подобныя произведенія; такъ, напримѣръ, въ «Демокритѣ», журналѣ, изд. Андреемъ Кропотовымъ въ 1815 году, напечатана «Надгробная рѣчь моей собацѣ» (часть I, стр. 121) — пародія, совершенно лишенная остроумія, которымъ, впрочемъ, не отличается и элегія Дельвига.

Не на тотъ же ли случай написано Баратынскимъ доставленное имъ въ редакцію «Сѣверныхъ Цѣтговъ» слѣдующее стихотвореніе: «На смерть собаки», сообщенное намъ М. Д. Деларю и до сихъ поръ не напечатанное:

«Мой добрый песъ, ты кончилъ ужъ свой вѣкъ!
Я въ жизни зналъ тебя мошенникомъ и воромъ:
Когда бъ ты былъ не песъ, а человекъ,
Ты бъ околѣлъ навѣрно ~~своею злобою~~!»

Мальвина и другая собака С. Д., Гекторъ, воспѣты Измайловымъ въ элегіи «На болѣзнь С. Д. П.» и въ посвященной ей сказкѣ «Собака и Воръ» (см. выше), а Гекторъ удостоился быть предметомъ зависти поэта въ его стихотвореніи въ альбомѣ «С. Д. П.» (см. выше) и дѣйствующимъ лицомъ въ баснѣ «Собака и Секретарь» (см. выше), въ которой Измайловъ не пропустилъ случая залѣть *баловней-поэтовъ* (вторая статья о Дельвигѣ, стр. 60). У Илличевского также есть стихотворенія: «Любимой собацѣ С. Д. П.» и «На ошейникъ собачкѣ (см. выше).

Послѣдняя тема, вѣроятно, была задана С. Д. не одному Илличевскому, потому что и у Дельвига есть слѣдующая, неизданная надпись:

Къ ошейнику собачки Доминго.

«Ты на Домингѣ вѣчно будь,
Моя надежда осталъная!
И обо мнѣ когда вибуй
Она вздохнетъ, его лаская» (Изъ рукописей Дельвига.)

кимъ произведеніемъ принадлежатъ: *Жалоба* ⁽¹⁾, *Разочарованіе* ⁽²⁾, *сонетъ* «Златыхъ кудрей пріятная небрежность...» ⁽³⁾, *романсъ*: «Не говори: любовь пройдетъ», ⁽⁴⁾ и проч. Но, не останавливаясь на основаніяхъ этой вѣроятности, не имѣющихъ для насъ особеннаго значенія и едва ли кому нибудь интересныхъ, возвратимся къ литературнымъ вечерамъ у Софьи Дмитріевны и перенесемся на одно изъ подобныхъ собраній.

Представьте себѣ, читатель, небольшую, но уютную гостиную, въ которой, вокругъ небольшого стола, освѣщеннаго матовымъ свѣтомъ лампы и заваленнаго книгами, тетрадами и листами, собралось нѣсколько собесѣдниковъ. Простота, выражающаяся во всемъ, отсутствіе всякихъ затѣй роскоши и претензій на моду немедленно сообщаются каждому, даже непривычному посѣтителю этой гостинной. Здѣсь всякому весело, легко и свободно. На большомъ диванѣ, въ глубинѣ комнаты, сидитъ Софья Дмитріевна, окруженная довольно многочисленнымъ обществомъ и постоянно охраняемая Гекторомъ и Мальвиною, которымъ не шутя завидовали многіе изъ присутствующихъ. ⁽⁵⁾ Возлѣ нея на диванѣ помѣщается «толстый и не-

⁽¹⁾ «Новости Литературы» 1825 г. (кн. VI, стр. 29) и «Стихотворенія барона Дельвига» (въ первомъ изданіи стр. 71, во второмъ — 52).

⁽²⁾ «Труды Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь) 1824 г. (часть XXIV, стр. 68), и собранія стихотвореній Дельвига (въ первомъ изданіи стр. 77, во второмъ — 56). Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига оно явилось съ перемѣною противъ первоначальной его редакціи въ третьей строкѣ.

⁽³⁾ «Труды Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1823 года (ч. XXI, стр. 58), «Новости Литературы» 1824 г. (кн. VII, стр. 79) и оба изданія стихотвореній Дельвига (первое — стр. 81, и второе — стр. 60).

⁽⁴⁾ «Полярная Звѣзда» на 1824 годъ (стр. 315). Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига романсъ этотъ напечатанъ (въ первомъ изданіи — стр. 128, а во второмъ — стр. 95) съ незначительными перемѣнами во второй и десятой строкахъ.

⁽⁵⁾ Въ доказательство этой зависти приводимъ указанное выше стихотвореніе Измайлова въ альбомѣ

С. Д. П.

«Счастливецъ Гекторъ! ты счастливецъ!
Первѣйшій ты любимецъ
Прелестнѣйшей изъ дамъ,
Которой въ древности воздвигнулъ бы храмъ,
Минуту каждую она тебя ласкаетъ;
Каплюшкой, капелькой и крошечкой
Цѣлуетъ... слѣдуешь за нею ты какъ тѣнь,
Не только съ нею ты бываешь цѣлый день,
И ночь, всю ночь при ней... спишь на ея постелѣ,
Всегдашній стражъ ея небесной красоты...
Подумаешь, вотъ въ самомъ дѣлѣ
Какъ счастливы бывають и скоты!»

(Сочиненія Измайлова, т. I, стр. 278—279.)

Слова наши подтверждаются также упомянутымъ выше слѣдующимъ стихотвореніемъ А. Илличевского: *Любимой собацѣ прекрасной дамы*. (Опыты въ антологическомъ родѣ А. Илличевского, стр. 94.)

уклюжій издатель «*Благонамъреннаго*», какъ называлъ самъ себя Измайловъ. (1) «На немъ синій, долгополый сюртукъ, изъ котораго вышло бы два капота для людей обыкновенныхъ; въ боковомъ карманѣ его торчатъ бумаги; на черныхъ глазахъ его сіяютъ серебряные очки.» (2) «Дородный журналистъ» (3) только что возвратилъ съ новою стихотворною данью переходящей изъ рукъ въ руки альбомъ Софьи Дмитріевны, который онъ, вопреки усвоенному за нимъ прозванію «писателя не для дамъ» (4), такъ часто украшалъ произведеніями своей не всегда благопристойной музы. Возлѣ Измайлова сидитъ «русскій Геснеръ», онъ же и «русскій Теоокритъ», В. И. Панаевъ, поэтъ Меналковъ, Титировъ, Хлой, ручейковъ и овечекъ, «соченъ, товарищъ и другъ» Измайлова (5) и, по собственному его признанію, его же «соперникъ» въ описываемомъ обществѣ. (6) Наружность его и костюмъ представляютъ такую же рѣзкую противоположность со всею внѣшностью Измайлова, какую представляютъ его сладостныя и нѣжныя идилліи необузданнымъ произведеніямъ

(1) «Сочиненія Измайлова», т. I, стр. 256, примѣчанія къ посланію «Къ NN о садѣ Г. . . . (Ганина).

(2) Это описаніе наружности Измайлова заимствовано изъ его элегической или романтической поэмы «Рыжій Конь». (Сочиненія Измайлова», т. II, Смѣсь, стр. 541.)

(3) Тамъ же (стр. 542).

(4) «Домъ Сумасшедшихъ» Воейкова и «Надгробіе Измайлову», написанное при его жизни (Благонамъренный 1822 г., № XIV). Отрывокъ изъ стихотвореній Воейкова и «Надгробіе», такъ же, какъ и отрывокъ изъ стиховъ г. Булгарина, опровергающихъ это прозваніе, напечатаны въ третьей статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ (Современникъ 1850 г., № XI, Критика, стр. 58—59).

(5) Этими именами называетъ В. И. Панаева Измайловъ въ своемъ стихотвореніи, «Въ альбомѣ В. И. П. . . .» Приводимъ начало посланія:

«О ты, котораго труды мнѣ такъ полезны,

Съ тѣхъ поръ какъ издаю журналъ,

П., мой соченъ, товарищъ, другъ любезный,

Ты хочешь, чтобы я въ альбомѣ твой написалъ.»

(Сочиненія Измайлова, т. I, Стихотворенія, стр. 290—291.)

(6) Измайловъ въ застольномъ стихотвореніи *В. И. Панаеву*, между прочимъ, говоритъ:

«Ну какъ не уважать тебя и не любить?

Соперниками были (*)

(Мнѣ этого не позабыть)

И тутъ другъ друга мы любили,

Другъ другу правду говорили.»

(Сочиненія Измайлова, т. I, Стихотворенія, стр. 264.)

Стихотвореніе это приведено и во второй статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ (Современникъ 1850 г., № X, Критика, стр. 71—72.)

(*) Въ одномъ дружескомъ литературномъ обществѣ.

Примѣчаніе Измайлова.

«русскаго Теньера № 1,» какъ называлъ себя Измайловъ. (1) Далѣе—Гнѣдичъ, всегда задумчивый, разсѣянный и серьезный, бесѣдуетъ о своемъ трудѣ съ Дельвигомъ, который весьма разсѣянно слушаетъ его разсужденія о русскихъ спондеяхъ. Сюда же собрались Баратынскій, Плетневъ, Иличевскій, Сомовъ и нѣсколько другихъ, менѣе извѣстныхъ личностей. Разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ. Говорили о современныхъ литературныхъ новостяхъ, между которыми самую любопытною была только что изданная новая книжка «Полярной Звѣзды», составлявшая самое замѣчательное явленіе въ литературѣ всего 1823 года. «Полярная Звѣзда,» о которой въ то время говорили всюду, была первымъ русскимъ альманахомъ, имѣвшимъ огромный и вполне заслуженный успѣхъ. Это изданіе было провозвѣстникомъ новой эпохи въ русской журналистикѣ и первымъ представителемъ той реакціи, которая окончательно выразилась черезъ два года изданіемъ «Московского Телеграфа». Издатели альманаха угадали потребность читателей, что, при упадкѣ тогдашней журналистикѣ и совершенномъ разладѣ ея съ ходомъ литературы, было уже вѣрнымъ ручательствомъ успѣха. Почти всѣ извѣстные и даровитые дѣятели современной изящной словесности участвовали въ этомъ изданіи. Въ немъ встрѣчаются сочиненія Батюшкова, Жуковского, Крылова и Пушкина (2), и потому весьма естественно, что «Полярная Звѣзда» была предметомъ особеннаго вниманія рус-

(1) «Я — русскій Теньеръ № I», говорилъ Измайловъ. Въ «Revue Encyclopédique» 1821 года о немъ сказано: «Il est le Teniers des écrivains russes.» Русскимъ Теньеромъ № 2 Измайловъ называлъ Наръжнаго («Сочиненія Измайлова», ч. II, Сатирическія Вѣдомости, стр. 613.) Объ этихъ прозваніяхъ упоминается въ двухъ первыхъ статьяхъ А. Д. Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1849 г., № XII, Критика, стр. 88, и 1850 г., № X, Критика, стр. 69), гдѣ есть и сравненіи обоихъ писателей съ Теньеромъ.

Кромѣ того въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 годъ сказано, что «Баснописецъ Александръ Измайловъ рисуетъ природу, какъ Теньеръ.» (Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи, стр. 18.)

(2) Въ этомъ альманахѣ (въ трехъ книжкахъ) кромѣ названныхъ лицъ и самихъ издателей, сочиненія которыхъ пользовались блестящимъ, хотя и кратковременнымъ успѣхомъ, напечатаны произведенія: Е. А. Баратынскаго, Ф. В. Булгарина, В. Е. Вердеревскаго, А. Ф. Воейкова, кн. П. А. Вяземскаго, Ф. Н. Глинки, А. Гнѣдича, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова, В. Григорьева, Д. В. Давыдова, М. Дмитріева, М. Загорскаго, Иванчина-Писарева, А. Е. Измайлова, В. В. Измайлова, А. Корниловича, И. И. Козлова, Д. М. Княжевича, В. К. Кра, М. Лобанова, К. П. Масальскаго, Нечаева, А. С. Норова, П. Оболевскаго, Олива, Н. Ф. Остолопова, В. И. Панаева, П. А. Плетнева, В. Л. Пушкина, В. Раича, А. Родзянки, О. И. Сенковского, О. М. Сомова, Ф. Туманскаго, В. С. Флимонова, гр. Д. И. Хвостова, А. Хомякова, кн. А. Шаховскаго, Н. М. Языкова и проч.

ских читателей, и что о ней много говорили и писали. (1) Нашъ поэтъ также принималъ дѣятельное участіе въ альманахѣ. Въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды» были напечатаны четыре его стихотворенія, именно: *Русская пѣня*: «Ахъ ты, почъ ли» (стр. 109), *На смерть****, ездская элегія (стр. 265), *Вдохновеніе*, сонетъ (стр. 288), и *пѣня*: «Роза ль ты, розочка» стр. 377), изъ которыхъ три первыхъ принадлежатъ къ лучшимъ стихотвореніямъ Дельвига. (2) Изъ собиравшихся у Софьи Дмитріевны поименованныхъ писателей почти все (кроме Иличевского) были сотрудниками альманаха, и потому весьма понятно, что каждый изъ нихъ принималъ живое участіе въ сужденіяхъ объ этой литературной новости.

Разговоръ переходилъ мало по малу отъ одного предмета къ другому, отъ «Полярной Звѣзды» къ спорамъ о классицизмѣ и романтизмѣ, и остановился наконецъ на произведеніяхъ литературы еще неизданныхъ. Обширные карманы Измайлова, всегда набитые своими и чужими стихами, представляли неистощимый матеріалъ для такихъ разговоровъ, которые обыкновенно оканчивались чтеніемъ. Измайловъ, любившій читать пріятелямъ и знакомымъ свои произведенія, не заставлялъ себя долго просить въ подобныхъ случаяхъ. На этотъ разъ предметомъ чтенія была только что написанная имъ басня на своихъ пріятелей, обидѣвшихъ его авторское самолюбіе. Басня эта — *Слонъ и Собаки*. (3) По словамъ одного критика, въ ней, «за древностію времени, намеки стали непонятны, и теперь видна только одна литературная сторона басни» (4); но мы знаемъ, что въ этомъ не совсѣмъ чистоплотномъ апологѣ игралъ нѣкоторую роль и Дельвигъ, къ которому относились стихи:

«... въ родню хоть толстъ,
Да не въ родню, быть можетъ, простъ.» (5)

(1) Самый подробный разборъ первой книжки «Полярной Звѣзды» напечатанъ въ «Русскомъ Вивадѣ» 1823 года (№№ 4, 5, 6, 7, 61 и 62). Выше было приведено письмо Пушкина, показывающее, въ какой степени онъ интересовался этимъ изданіемъ.

(2) Стихотворенія эти напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — на стр. 92, 79, 81 и 109, во второмъ — на стр. 66, 57, 59 и 82). Последнее изъ нихъ напечатано въ обоихъ изданіяхъ подъ заглавіемъ «Роза».

(3) «Сочиненія Измайлова», т. I, стр. 78—80. Басня эта была приведена въ «Библиотекѣ для Чтенія» 1849 г. (т. 96, ч. 2, № VIII, Критика, стр. 36—37), при разборѣ смірдинскаго изданія «Сочиненій Измайлова».

(4) «Библиотека для Чтенія» 1849 г. (№ VIII, Критика, стр. 35.)

(5) Объясненіе этого намека сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ. Эти два стиха взяты изъ басни Крылова «Слонъ на воеводство» (Полное собраніе сочиненій И. Крылова, т. II, стр. 161). Они приведены также въ сатирической статьѣ «Свиданіе Зорова съ самоучкою» (Литературные Листки 1824 г., № II, стр. 51—57).

Разумѣется, пріятельскія отношенія не нарушались подобными бездѣльями: по свидѣтельству того же критика, «Слонъ и Собаки» поцаловались и были опять дружны между собою.» (1) Но безпрестанныя выходки Измайлова, на которыя, впрочемъ, Дельвигъ мало обращалъ вниманія, не всегда оставались безъ отвѣта. На этотъ разъ случай посмѣяться надъ Измайловымъ представился самъ собою. Разговоръ обратился къ пародіямъ, которыя въ то время входили въ моду, и предметомъ которыхъ нѣрѣдко были сочиненія Карамзина и Жуковского. (2) Измайловъ любившій пародію, придавалъ этому роду особенную важность; Дельвигъ, напротивъ того, утверждалъ, что не можетъ быть ничего легче, какъ сочинить пародію на любое стихотвореніе. (3) Измайловъ потребовалъ, чтобы Дельвигъ, въ доказательство этой легкости, немедленно написалъ пародію на переведенную Жуковскимъ сказку Вальтеръ-Скотта *Замокъ Смальгольмъ* (впоследствии названную *Смальгольмскій Баронъ*), въ то время известную еще немногимъ. (4) Все общество выразило то же самое желаніе, и Дельвигъ, черезъ нѣсколько минутъ прочиталъ слѣдующее: (5)

(1) «Библиотека для Чтенія» 1849 г. (№ VIII, Критика, стр. 37.)

(2) Напримѣръ, разсказъ Измайлова «Новый Ермакъ» («Сочиненія Измайлова», томъ второй, стр. 463—468) начинается пародією на сочиненіе Карамзина: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи». Объ этой пародіи упоминаетъ А. Д. Галаховъ, въ третьей статьѣ объ Измайловѣ («Современникъ» 1850 г., № XI, Критика, стр. 46.)

(3) Дельвигъ уже не разъ имѣлъ случай доказать легкость писать пародіи. Такъ, напримѣръ, еще въ Лицѣ, когда профессоръ русской и римской словесности Кошанскій написалъ, въ 1814 году, оду «На смерть Ожаровской», Дельвигъ написалъ весьма близкую и уличную пародію на это стихотвореніе, подъ заглавіемъ «На смерть кучера Агаона», скончавшагося въ то же время. Это неизданное стихотвореніе сообщено намъ М. А. Яковлевымъ.

(4) Въ спискѣ сочиненій Жуковского, составленномъ г. Тихомировымъ («Рѣчи и отчеты, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета» 12 января 1853 года, стр. 75—83, и «Москвитиница» 1853 года, № 2, стр. 136—166), стихотвореніе это, какъ и десятки другихъ, пропущено. Оно напечатано въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. (часть XXV, стр. 131) подъ заглавіемъ: «Замокъ Смальгольмъ», и перепечатано въ «Новостяхъ Литературы» 1824 г. (кн. VII, № VII, стр. 106) подъ заглавіемъ «Душкановъ вечеръ». Пародія сообщена кн. Д. А. Э. и барономъ А. И. Дельвигомъ.

(5) Для сравненія представляемъ соответствующія строки изъ стихотворенія Жуковского:

«До разсвѣта полпавшись, коня осѣдлавъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ,
И безъ отдыха гналъ межъ утесовъ и скалъ
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.»

До разсвѣта поднявшись, извощика взялъ
 Александръ Ефимычъ съ Песковъ,
 И безъ отдыха гналъ черезъ Лиговъ каналъ,
 Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Б...овъ.
 Въ черномъ фракѣ былъ онъ, былъ тотъ фракъ запыленъ,
 Какой цвѣтомъ — нельзя распознать,
 Оттопыренъ карманъ, въ немъ торчитъ какъ чурбанъ,
 Двадцати фунтовая тетрадь.» ⁽¹⁾
 Вотъ къ полудню домой возвращается онъ
 Въ трехъ-этажный Моденова домъ; ⁽²⁾
 Его конь опѣненъ, его ванька хмѣленъ,
 И согласно хмѣленъ съ сѣдокомъ.
 Б...ова онъ дома въ тотъ день не засталъ...» и т. д. ⁽³⁾

Добродушный Измайловъ, разумѣется, не обидѣлся этой невинной шуткой, первый смѣялся надъ ней отъ души и потомъ часто читалъ ее своимъ пріятелямъ. Впослѣдствіи, года черезъ три, Дельвигъ, на одномъ изъ своихъ литературныхъ вечеровъ, читалъ эту пародію Жуковскому, который слушалъ ее съ большимъ удовольствіемъ, потомъ часто говорилъ о ней, и даже вспоминалъ объ этой шуткѣ еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, встрѣтившись съ двоюроднымъ братомъ поэта. ⁽⁴⁾

Такъ, или почти такъ, проводили время на литературныхъ вечерахъ въ домѣ Пономаревой. Къ сожалѣнію, эти собранія скоро прекратились. Въ апрѣлѣ 1824 года Софья Дмитріевна заболѣла го-

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ,
 Наточилъ онъ свой мечъ боевой,
 И покрытъ онъ щитомъ, и топоръ за сѣдломъ
 Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.
 Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
 Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
 Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
 Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.
 Анкраморскія битвы баронъ не видалъ...

⁽¹⁾ Эти два стиха привелъ и самъ Измайловъ въ своей шуточной поэмѣ «Рыжій Конь». (Сочиненія Измайлова, томъ II, стр. 541.) Они перепечатаны и въ третьей статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ. (Современникъ 1850 г., № XI, Критика, стр. 55), съ указаніемъ, что принадлежать Дельвигу.

⁽²⁾ Измайловъ жилъ, какъ сказано и въ объявленіи о подпискѣ на «Благонамѣренный», на Пескахъ, противъ Бассейна, въ каменномъ трехъ-этажномъ домѣ Моденова, подл. № 283.

⁽³⁾ Въ позднѣйшее время написана другая пародія на «Смальгольмского Барона», гдѣ выведены двое журналистовъ, изъ которыхъ одинъ здравствуетъ и до сихъ поръ.

⁽⁴⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

рякою ⁽¹⁾, и скончалась въ величайшихъ мученіяхъ, 4 мая 1824 года. ⁽²⁾ Смерть ея была незамѣнимою потерей для всѣхъ знавшихъ ее, и въ особенности для окружавшаго ее дружескаго литературнаго общества. По обычаю времени, на смерть этой замѣчательной женщины явилось множество, частію уже указанныхъ выше, стихотвореній. Между ними находимъ слѣдующую эпитафію, принадлежащую Дельвигу:

«Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
 Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.» ⁽³⁾

Вообще сожалѣнія о преждевременной кончинѣ этой замѣчательной женщины были искренни, и, безъ сомнѣнія, въ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ сохранится о ней навсегда благодарное воспоминаніе.

Не задолго до смерти С. Д. Пономаревой учредились такія же литературныя собранія у А. О. Воейкова, извѣстнаго переводчика Виргилія и Делиллы и автора «Дома Сумасшедшихъ», многихъ посланій, сатиръ и проч. Воейковъ, служившій съ 1814 года ординарнымъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1820 году переѣхалъ въ Петербургъ. ⁽⁴⁾ Съ іюля 1822 года онъ началъ издавать, вмѣстѣ съ В. И. Козловымъ ⁽⁵⁾, «Новости Литературы», и съ этого же времени начались у него литературные вечера, на которыхъ первую роль играла сама хозяйка дома, Александра Андреевна (урожденная Протасова, родная племянница Жуковскаго). Характеръ этихъ собраній былъ почти исключительно литературный, чему значительно способствовали и срокъ выхода журнала, издававшагося въ 1822 и 1823 годахъ еженедѣльно,

⁽¹⁾ Сообщено П. А. Плетневымъ.

⁽²⁾ «Благонамѣренный» 1824 года, № VIII, примѣчаніе къ «Надгробіямъ Софьи Дмитріевны Пономаревой», стр. 146.

⁽³⁾ Двуступище это напечатано въ собраніяхъ стихотвореній Дельвига подъ заглавіемъ «Эпитафія» (въ первомъ изданіи — стр. 26, а во второмъ — стр. 17).

⁽⁴⁾ «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. И. Греча, 1822 г., стр. 599. Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ перваго изданія, какъ самаго полнаго.

⁽⁵⁾ «Исторія Русской Литературы». Курсъ гимназическій. Спб. 1851 г. (Стр. 216.) (*) Василій Ивановичъ Козловъ, участвовавшій впослѣдствіи въ изданіи «Сѣверной Пчелы» въ самомъ началѣ ея существованія (1825 г.), скончался 11 мая 1825 года, на 33 году жизни, и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. Со времени перехода Козлова къ редакціи «Сѣверной Пчелы» Воейковъ продолжалъ одинъ издаваніе «Новостей Литературы». Изданіе это кончилось съ истеченіемъ 1826 года.

(*) «Письма В. А. Жуковскаго, А. О. Воейкова и И. П. Дмитріева къ Н. А. Маркевичу» (Москвитинъ 1853 г., № 12, отд. IV, стр. 11). Въ этихъ письмахъ (Жуковскаго и Воейкова) читатели найдутъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о Воейковой.

по листу, и собиравшееся общество, преимущественно состоявшее изъ сотрудниковъ новаго журнала. Центромъ и душою этого общества была очаровательная (и также давно покойная) А. А. Воейкова, постоянно окруженная лучшими представителями русской поэзии: Постояннымъ и желаннымъ ея гостемъ бывалъ В. А. Жуковский, встрѣтившійся съ ней еще въ Дерптѣ въ 1815 году ⁽¹⁾ и посвятившій ей свою «Свѣтлану» и нѣсколько другихъ стихотвореній. Тутъ же бывалъ другъ Жуковского И. И. Козловъ, которому дружескій призывъ Воейковой замѣнялъ, по его выраженію,

«Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ....» ⁽²⁾

Баратынскій, Плетневъ, Дельвицъ, издатели «Полярной Звѣзды» и проч. ⁽³⁾ Въ этомъ же талантливомъ обществѣ нашелъ первое поощреніе одинъ изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ поэтовъ, Языковъ, подававшій самыя блестящія надежды, къ сожалѣнію, далеко не оправдавшія общихъ ожиданій, — поэтъ столько же энергическій и пламенный въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, сколько безжизненный и вялый въ произведеніяхъ зрѣлаго возраста. Здѣсь Языковъ встрѣтился съ Дельвигомъ, подружился съ нимъ едва ли не съ первой встрѣчи и оставался его искреннимъ другомъ до смерти, хотя личные отношенія ихъ скоро были прерваны отъѣздомъ Языкова въ Дерптъ и въслѣдствіи возобновлялись только на самое короткое время. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой дружбѣ, тѣмъ охотнѣе обращаясь къ Языкову, что о немъ было говорено мало, а высказано еще меньше. ⁽⁴⁾

Языковъ, по окончаніи шестилѣтняго курса ученія въ Горномъ Институтѣ и потомъ проведя около года въ Инженерномъ Корпусѣ, прожилъ года съ полтора въ Петербургѣ. ⁽⁵⁾ Въ это время, часто бывая въ домѣ Воейкова, онъ познакомился и сблизился съ Дельвигомъ, которому былъ уже извѣстенъ своими поэти-

⁽¹⁾ «Замѣчанія на статью Москвитянина о Жуковскомъ». (Москвитянинъ 1852 г., декабрь, книга 2, отд. IV, стр. 19—20.)

⁽²⁾ Изъ посвященія *Ал. Ал. В...к.вой* къ «Сельскому субботнему вечеру въ Шотландіи», стихотворенію, посвященному памяти Воейковой. (Собраніе стихотвореній Ивана Козлова, третье изданіе, 1840 года, ч. I, стр. 291.) Ей же посвящена баллада «Разбойникъ». (Тамъ же, ч. II, стр. 53—57.)

⁽³⁾ Напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года повѣсть одного изъ нихъ, «Рогѣда» (стр. 45—56), посвящена Воейковой.

⁽⁴⁾ Изъ немногочисленныхъ статей о Языковѣ самая замѣчательная — «О стихотвореніяхъ Языкова». (Телескопъ 1834 г., № 3, стр. 163, и № 4, стр. 232), явившаяся безъ подписи автора, но, какъ извѣстно, принадлежащая тому же даровитому и самостоятельному перу, которое разнесло много прекрасныхъ, свѣтлыхъ мыслей объ искусствѣ.

⁽⁵⁾ «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова, изданіе пятое, часть третья, примѣчанія ко второй части, стр. 169.

ческими опытами. Первое явившееся въ свѣтъ стихотвореніе Языкова было напечатано въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь 1819 года, кн. 2, стр. 90) и было написано имъ еще въ Горномъ Институтѣ. Прежде всѣхъ литераторовъ замѣтилъ и ободрилъ дарованіе Языкова А. О. Воейковъ. ⁽¹⁾ Такое же дружеское сочувствіе и поощреніе своему таланту молодой поэтъ встрѣтилъ въ Дельвицѣ, который не только ободрялъ Языкова, но первый предсказалъ ожидавшую его извѣстность. Вотъ его сонетъ

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ парнаскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ)
Плететь Амуръ съ Каменной сладкогласной.

Отъ ранихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.

Пѣвца *Пирова* ⁽²⁾ я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье. ⁽³⁾

Въ 1823 году Языковъ отправился въ Дерптъ съ рекомендательными письмами Воейкова. ⁽⁴⁾ Съ Пушкинымъ Языковъ видался во время каникулъ. Проводя лѣто въ Тригорскомъ селѣ П. А. Осиповой, матери студента А. Н. Вульфа (которому Языковъ посвятилъ нѣсколько своихъ стихотвореній), онъ навѣщалъ Пушкина въ его Михайловскомъ. ⁽⁵⁾ Но отношенія Языкова къ Дельвицу ограничи-

⁽¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁾ *Пиръ* — описательная поэма Баратынскаго, о которой уже упомянуто во второй статьѣ нашего этюда (стр. 29).

⁽³⁾ Сонетъ этотъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» 1823 года (часть XXI, стр. 58), въ «Новостяхъ Литературы» 1821 г. (кн. VII, стр. 79), въ собраніи стихотвореній Дельвига, изд. 1829 г. (стр. 85), въ смирднскомъ изданіи его сочиненій (стр. 61) и въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть II, стр. 304).

⁽⁴⁾ «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть третья, примѣчанія во второй части, стр. 162).

⁽⁵⁾ А. Д. Галаховъ въ своей «Полной Русской Хрестоматіи» говоритъ (изданіе пятое, часть третья, примѣчанія во второй части, стр. 169), что Языковъ, «часто проводя лѣто въ полѣсть пріятеля своего А. Н. Вульфа, оттуда навѣщалъ и Пушкина въ его Тригорскомъ уединеніи, которое изобразилъ въ одномъ

вались письмами, на которыя, однакожь, оба поэта были весьма лѣнны. Въ послѣднее время своего пребыванія въ Дерптѣ, въ 1828 году, Языковъ прислалъ для помѣщенія въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» слѣдующе посланіе

БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Иные дни — иное дѣло!
 Бывало, помнишь ты, Баронъ,
 Самонадѣянно и смѣло
 Я посѣщалъ нашъ Геликонъ:
 Молва стихи мои хвалила,
 Я непритворно вѣрилъ ей,
 И поэтическая сила
 Огнемъ могущественнымъ была
 Изъ глубины души моей!
 А нынѣ? — міру вдохновеній
 Далеко недоступенъ я:
 На лонѣ скуки, сна и лѣни
 Томится молодость моя!
 Моей Камены сынъ ослушный,
 Я чуждъ возвышенныхъ трудовъ,
 Пугаюсь ихъ, и равнодушно
 Гляжу на поприще стиховъ.
 Блаженъ, кто имъ не соблазнился!
 Блаженъ, кто отъ его суетъ,
 Его опасностей и бѣдъ
 Ушелъ въ себя — и тамъ остался!
 Завидна славы благодать,
 Привѣтъ завиднѣе многолюдный!
 Но часто ль сей наградой чудной
 Ласкаютъ насъ? И то сказать:
 Непроходимо-безпокойно
 Служенье Фебу въ наши дни:
 Въ раздольи буйной толкотни,
 Кричатъ, бранятся непристойно

изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (Тригорское).^{*)} Позволяемъ себѣ исправить въкравшія сюда небольшие ошибки: во *первыхъ*, Языковъ проводилъ лѣто въ помѣсть не А. Н. Вульва, а его матери, П. А. Осиповой; во *вторыхъ*, Пушкинъ жилъ не въ Тригорскомъ, а въ селѣ Михайловскомъ, помѣсть своей матери, Надежды Осиповны; во *третьихъ*, Тригорское принадлежало не Пушкину, а, какъ мы сказали уже, П. А. Осиповой, и находится на разстояніи отъ Михайловскаго около двухъ верстъ. О частыхъ посѣщеніяхъ Пушкинымъ Тригорскаго говорится въ «Биографическомъ Извѣстіи объ А. С. Пушкинѣ», написанномъ братомъ его, Львомъ Сергѣевичемъ (Москвитянинъ 1853 г., № 10, май, книга вторая, отд. I., стр. 57), и въ замѣчаніяхъ на эту біографію («Отечественныя Записки» 1853 г., № 7, июль, въ отдѣлѣ Журналистики, стр. 77—78).

Жрецы поэзіи святой.
 Такъ точно праздничной порой,
 Кипитъ торговля площадная;
 Такъ говорливо вторитъ ей
 Разноголосица живая
 Старухъ, индѣекъ и гусей!
 Туда ль душѣ честолюбивой
 Нести плоды священныхъ думъ?
 Да увлекутъ они счастливо
 Простонародный крикъ и шумъ!...
 А ты, прихвостница талантовъ
 И повивальница стиховъ,
 Толпа словесныхъ дуръ и франтовъ —
 Нецензурованныхъ глупцовъ:
 Не ты ль на подвигъ православный
 Поэта-юношу зовешь,
 И вдругъ рукой самоуправной
 Его же ставишь на правезь!
 Не ты ль въ судью и господина
 Даешь Парнассу кой-кого?
 И долго, долго твой дѣтина,
 Прицурясь, смотритъ на него:
 Вотъ такъ-то нынѣ область Феба
 Миѣ представляется, Баронъ.
 Ты мирно скажешь: «это сонъ —
 Даръ испытующаго неба;
 Онъ легкимъ лѣтомъ пролетитъ!
 Такъ иногда, въ жару недуга,
 Страдалецъ сердится на друга,
 И задушевнаго бранитъ!»
 Ну такъ, Баронъ. Поэтовъ богу
 Поставь усердную свѣчу,
 Да вновь на прежнюю дорогу
 Мои труды поверочу,
 Да снова пѣснью сладкогласной
 Я возвѣщу, что я поэтъ —
 И оправдается прекрасно
 Миѣ вдохновенный твой привѣтъ!» (*)

(*) Стихотвореніе это было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ (стр. 134) и перепечатано безъ перемѣнъ въ собраніи издаваемыхъ въ 1833 году стихотвореній Языкова (стр. 187). Въ этомъ собраніи оно отнесено къ 1829 г. Это невѣрно, потому что «Сѣверные Цвѣты», въ которыхъ оно напечатано, приготовлялись къ выпуску еще въ 1828 г. Книжка была подписана цензоромъ 27 декабря 1828 года; слѣдовательно, это стихотвореніе было написано не позже 1828 года.

Но привѣтъ Дельвига не оправдался: поэтъ не возвратился «на прежнюю дорогу» и, томясь все остальное время своей жизни

«На лонѣ скуки, сна и гнѣи»,

остался, по собственному же выраженію, недоступнымъ «міру вдохновеній» и чуждымъ «возвышенныхъ трудовъ».

О томъ, какъ Языковъ цѣнилъ Дельвига, какъ поэта и какъ человѣка, что видно изъ нѣсколькихъ его стихотвореній, посвященныхъ памяти Дельвига, будетъ сказано ниже, на своемъ мѣстѣ. Теперь же снова возвращаемся къ нашему поэту.

Мы видѣли уже, что Дельвигъ, по выпуску изъ Лицея, печаталъ свои стихотворенія въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», въ «Благонамѣренномъ», въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія»), въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года и въ «Сынѣ Отечества» (первой статьи стр. 50 и второй стр. 3, 4, 5, 10, 11, 14, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29). Съ половины 1822 года Дельвигъ принялъ участіе въ «Новостяхъ Литературы», журналѣ, основанномъ, какъ уже сказано выше, Воейковымъ и В. Козловымъ. Этотъ журналъ, начавшійся съ іюля 1822 года, выходилъ въ 1822 и 1823 годахъ еженедѣльно по листу, а въ 1824, 1825 и 1826 годахъ — ежемѣсячно по книжкѣ, и въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ издавался однимъ Воейковымъ. Въ «Новостяхъ Литературы» печатались стихотворенія и прозаическія статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя съ французскаго и нѣмецкаго. Въ числѣ сотрудниковъ этого журнала встрѣчаются имена лучшихъ представителей русской литературы. Въ немъ участвовали: Баратынскій, Батюшковъ, Воейковъ, князь П. А. Вяземскій, Жуковский, Капнистъ, И. Козловъ, Авр. С. Норовъ, П. А. Плетневъ, Н. Полевой, А. Пушкинъ, В. Пушкинъ, Н. Языковъ. (1) Дельвигъ, принимавшій участіе въ «Новостяхъ Литературы» въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ изданія этого журнала (1822 и 1823 г.), напечаталъ въ немъ тринадцать стихотвореній, именно: *Романсы*: 1) «Сегодня я съ вами пирую, друзья!» (2) 2) «Оди-

(1) Кромѣ ихъ въ «Новостяхъ Литературы» участвовали: В. Берхъ, В. Г. Гамалея, Я. Гладковъ, Ф. Н. Глинка, Д. Глѣбовъ (Д. Гл. или Д. Гл.б.в.), князья Дм. и Ив. Долгорукіе, Андрей Ершовъ, А. Княжнинъ, Н. М. Коншинъ, М. Макаровъ, Маркевичъ, М. Мгзиръ, гр. Г. Орловъ, Н. И. Писаревъ, Словаревъ, В. Соколовъ, П. Теряевъ, В. Тилло, В. и Ф. Тумацкіе, графъ Д. И. Хвостовъ, А. Чапливъ, князь П. И. Шаликовъ, Ал. Шишковъ 2-й, Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ и нѣкоторые другіе.

(2) «Новости Литературы» 1822 г. (книжка I, № XI, стр. 174). Романсъ этотъ, явившійся съ подписью *Баронъ Дельвигъ*, перепечатанъ съ перемѣнами въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 140, а во второмъ (смирдинскомъ) — стр. 105.)

нокъ въ облакахъ мѣсяць пылъ туманный»; (1) 3) «Когда душа просилась ты» (2); 4) *Сонетъ*: «Я пылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ» (3); 5) *Романсъ*: «Вчера вакхическихъ друзей» (4); 6) *Романсъ*: «Только узналъ я тебя» (5); 7) «Къ Лилѣ» (6); 8) «Къ выпущенной птичкѣ» (7); *Сонеты*: 9) «Н. М. Языкову», 10) «Златыхъ кудрей пріятная небрежность», 11) «Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье» (8), 12) «Къ Музамъ» (9) и 13 «Жалоба» (10). О достоинствѣ этихъ стихотвореній будетъ сказано при разборѣ стихотвореній Дельвига. Съ 1824 года Дельвигъ, отвлеченный другими изданіями, не участвовалъ въ «Новостяхъ Литературы»; хотя съ тѣхъ поръ явилось въ этомъ изданіи пять стихотвореній Дельвига, но

(1) «Новости Литературы» 1822 г. (книжка II, № XV, стр. 31). Романсъ этотъ перепечатанъ съ большими перемѣнами въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ стр. 72, а во второмъ стр. 53). Кромѣ того оба эти романсы помѣщены въ «Хрестоматіи» И. С. Пенинскаго.

(2) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка III, № III, стр. 47). Романсъ этотъ, явившійся съ подписью *Баронъ Дельвигъ*, перепечатанъ въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 154, а во второмъ — 115) подъ заглавіемъ «Элегія», съ нѣкоторыми перемѣнами, и въ «Сѣверномъ Певцѣ» (часть I, стр. 40).

(3) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка III, № VI, стр. 95). Стихотвореніе это, явившееся съ подписью *Б. Д-хъ*, перепечатано безъ перемѣнъ въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ» (второе изданіе, часть VI, стр. 208), но, несмотря на то, пропущено въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига.

(4) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка IV, № XVIII, стр. 78). Романсъ этотъ перепечатанъ безъ перемѣнъ въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 69, а во второмъ — стр. 51).

(5) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка V, № XXXI, стр. 80). Романсъ этотъ перепечатанъ съ небольшими перемѣнами въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 111, а во второмъ — стр. 83) и въ «Сѣверномъ Певцѣ» (часть I, стр. 114).

(6) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка V, № XXXVIII, стр. 191). Стихотвореніе это, явившееся съ подписью *Б. Дельвигъ*, перепечатано съ нѣкоторыми перемѣнами въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній (въ первомъ — стр. 125, а во второмъ — 93) подъ заглавіемъ «Въ альбомѣ».

(7) «Новости Литературы» 1823 г. (книжка VI, № XL, стр. 15). Стихотвореніе это перепечатано изъ «Литературныхъ Листковъ» г. Булгарина и вошло безъ перемѣнъ въ оба изданія стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 106, а во второмъ — стр. 79). Кромѣ того, оно перепечатано въ «Опытѣ Русской Анеюлоги» Миханла (Алексѣича) Яковлева (стр. 45).

(8) «Новости Литературы» 1824 г. (кн. VII, стр. 79). Изъ нихъ первые два перепечатаны изъ «Трудовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1823 г., а третій изъ «Полярной Звѣзды» на 1823 г. (стр. 288).

(9) «Новости Литературы» 1825 (кн. VI, стр. 29).

(10) Тамъ же (стр. 150).

Стихотворенія, подпись которыхъ здѣсь не указана, явились въ «Новостяхъ Литературы» съ подписью *Баронъ Дельвигъ*.

Изъ критическихъ статей о «Новостяхъ Литературы» въ современныхъ имъ журналахъ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія статья г. Ф. Б. въ его «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (№ XVII, стр. 152—166), хотя въ ней разобрана только одна книжка журнала (юльская 1824 г.)

стихотворения эти, какъ уже сказано, перепечатаны изъ другихъ изданій.

Въ 1823 году г. Булгаринъ началъ издавать «Литературные Листки». Въ теченіе 1823 года явилось только пять номеровъ этого журнала; въ слѣдующемъ же году (1824) онъ издавался въ болѣе распространенномъ размѣрѣ, подъ заглавіемъ: «Литературные Листки, журналъ правовъ и словесности», и вышелъ въ числѣ двадцати-четырехъ номеровъ, составившихъ четыре части. Въ этомъ изданіи, въ которомъ принимали участіе нѣсколько извѣстныхъ писателей, встрѣчаются также имена Дельвига и Пушкина. Впрочемъ, оба они не были постоянными вкладчиками «Литературныхъ Листковъ» и участвовали въ нихъ только случайно. Изъ стихотвореній Дельвига въ «Листкахъ» напечатано только «На выпускъ птички» (1823 г., № III, стр. 52), перепечатанное въ томъ же году, какъ сказано выше, въ «Новостяхъ Литературы». (1) Изъ стихотвореній Пушкина въ «Листкахъ» напечатаны только «На выпускъ птички» (1823 г., № II, стр. 28, съ подписью *А. П.*), написанное на ту же тему, какъ и стихотвореніе Дельвига (2), и два стихотворенія, напечатанныхъ съ ошибками въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ, какъ уже сказано выше.

Успѣхъ альманаховъ, карманныхъ книжекъ и календарей, безпрестанно появлявшихся во Франціи и Германіи, подавъ мысль къ подобнымъ же предпріятіемъ и въ нашей литературѣ. Старинные «*Musealmanach*», «*Almanach des Muses*», «*Almanach des dames*» и т. п. были образцами для нашихъ альманаховъ. Такимъ образомъ мы заимствовали у иностранцевъ не только содержаніе и форму литературныхъ произведеній, но даже ихъ внѣшнія, случайныя условія.

Въ концѣ 1822 года явилась въ Петербургѣ «Полярная Звѣзда», карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности, а въ началѣ 1823 года изданы Раичемъ въ Москвѣ «Новыя Аониды» на 1823 годъ, которыя были собраніемъ стихотвореній, появившихся въ 1822 году, какъ сказано въ предисловіи къ Сборнику. (3) Замѣчательно, что подобныя изданія явились у насъ ранѣе,

(1) Г. Булгаринъ, разбирая въ своихъ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (№№ XI и XII) «Новости Литературы», говоритъ (стр. 422), что въ числѣ сочиненій, напечатанныхъ въ послѣднемъ журналѣ и читанныхъ имъ въ другихъ изданіяхъ, онъ замѣтилъ стихотвореніе Дельвига «На выпускъ птички», и прибавляетъ въ выноскѣ: «Охотно уступаю и не спорю».

(2) Въ собраніи «Сочиненій Пушкина» оно напечатано подъ заглавіемъ «Птичка» (т. IV, стр. 220). Кромѣ Пушкина и Дельвига на эту же тему писалъ Ф. Туманскій. Стихотвореніе послѣдняго напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ, подъ заглавіемъ «Птичка» (стр. 259).

(3) Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ «Аонидъ» съ «Аонидами», изданными Карамзинымъ (въ 3 частяхъ, 1796—1799 г.). Въ «Новыхъ Аонидкахъ» (названныхъ такъ для отличія отъ карамзинскихъ) напечатано между прочимъ стихотвореніе

нежели въ Англіи, и что первый англійскій литературный календарь, или альманахъ, «*Forget me not*» (Незабудка), издаваемый извѣстнымъ книгопродавцемъ Аккерманомъ на 1824 годъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько переводовъ съ языковъ французскаго, нѣмецкаго и даже русскаго.

О первой книжкѣ «Полярной Звѣзды» и объ участіи въ ней Дельвига мы уже имѣли случай говорить выше. Во второй книжкѣ альманаха, явившейся въ началѣ 1824 года, Дельвигъ напечаталъ шесть стихотвореній, именно: двѣ русскія пѣсни: «Что, красотка молодая» (стр. 22) и «Голова ль моя головушка» (стр. 91), два романа: «Прекрасный день, счастливый день» (стр. 201) и «Не говори: любовь пройдетъ» (стр. 315), и сонетъ «С. Д. П—ой» (стр. 25). (1)

Необыкновенный успѣхъ «Полярной Звѣзды» (2) повлекъ за собою множество сборниковъ и альманаховъ. Въ 1824 г. издавалась въ Москвѣ княземъ В. О. Одоевскимъ и однимъ изъ лицейскихъ товарищей Дельвига, В. К. К—мъ, «Мнемозина», собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ четырехъ частяхъ (3); въ Петербургѣ же, кромѣ «Полярной Звѣзды», о которой уже было сказано, вышелъ «Майскій Листокъ», весенній подарокъ для любительницъ и любителей отечественной поэзіи, изданный М. Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ 1825 году явились въ Петербургѣ: третья книжка «Полярной

Дельвига «Мой домикъ» (стр. 1), съ подписью *Д.*, присланное въ оглавленіи сборника Д. Давыдову. Во второй статьѣ этого журнала мы уже говорили (стр. 11 и 12) объ этомъ стихотвореніи.

(1) Стихотворенія эти уже были поименованы выше, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они напечатаны въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига.

Разборъ этой книжки «Альманаха» напечатанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1824 года (№№ 49, 50, 52, 53, 56, 59, 67, 73 и 78), въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. (ч. XXV, стр. 20, съ подписью *О. М.*, т. е. Орестъ Сомовъ), въ «Литературныхъ Листкахъ» г. Булгарина 1824 г. (№ I, разные извѣстія, стр. 27—29) и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

(2) Въ три недѣли раскуплено 1500 экземпляровъ альманаха (Литературные Листки 1824 г., № II, стр. 64).

(3) На «Мнемозинѣ» замѣтилъ всего отразилось упомянутое выше вліяніе нѣмецкихъ альманаховъ. Она представляетъ собою подражаніе этимъ альманахамъ не только по содержанію и направленію, но даже напоминаетъ нѣкоторые изъ нихъ сроками своего выхода, напр. «Веймарскій Календарь» Зекейлорфа, «Флору» Губера, «Арфу» Беккера, и проч., выходившіе, какъ и «Мнемозина», черезъ три мѣсяца, книжками, составлявшими четыре части въ годъ.

Объявленіе объ изданіи «Мнемозины» напечатано въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1824 года (№ 13, стр. 51 и 52), а подробный разборъ ея въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. (кн. VIII, стр. 22, только первой части), въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (первой части въ № V, стр. 182—193, а второй въ № XV, стр. 73—83). Разборъ нѣкоторыхъ статей «Мнемозины» напечатанъ въ тѣхъ же «Литературныхъ Листкахъ» (№№ XXI и XII, стр. 90—100 и 110—121). Все эти разборы подписаны Ф. Б. Кромѣ того, о «Мнемозинѣ» писалъ Н. Полевой въ своемъ «Обозрѣніи русской литературы въ 1824 году» (Московскій Телеграфъ 1825 г.)

Звѣзды», «Русская Старина», карманная книжка для любителей отечественнаго (?), изданная А. Корниловичемъ; (1) «Русская Таля», подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ, О. Булгарина; (2) «Невскій Альманахъ» Егора Аладына (3) и «Сѣверные Цвѣты» Дельвига; а въ Москвѣ (во второй половинѣ года) — «Калужскіе вечера, или отрывки сочиненій и переводовъ въ стихахъ и въ прозѣ военныхъ литераторовъ», собранные А. А. Писаревымъ (въ двухъ частяхъ).

Поводъ къ изданію «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» былъ слѣдующій. Первая книжка «Полярной Звѣзды» была издана книгопродавцемъ И. В. Слѣнинымъ, за условленную плату ея составителямъ. Когда на слѣдующій годъ составители альманаха нашли болѣе выгоднымъ быть вмѣстѣ и его издателями, Слѣнинъ, зная связи Дельвига въ литературномъ кругу, предложилъ ему составить альманахъ въ родѣ «Полярной Звѣзды» и вызвался быть его издателемъ. (4) Покойный Слѣнинъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ книгопродавцевъ-издателей, которые заботились не только о своихъ личныхъ выгодахъ, но и о пользѣ литературы. (5) Множество книгъ, журна-

(1) Объявленія объ изданіи и выходѣ «Русской Старины» напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1824 г. (№№ 280 и 301, стр. 1119—1120 и 1202—1203).

(2) Объявленія объ изданіи и выходѣ «Русской Талии» явились тамъ же №№ 273 и 299, стр. 1090—1091 и 1195) и въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (№№ XIX и XX, стр. 45), а разборъ ея напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 года (№ II, стр. 162—171).

(3) Разборъ «Невскаго Альманаха» на 1825 годъ напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 г. (№ IV, стр. 337—338).

(4) Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ. Слухи объ изданіи «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» распространились слишкомъ за годъ до выхода первой книжки альманаха. Объ этой литературной новости было объявлено еще въ февралѣ 1824 года въ «Литературныхъ Листкахъ» № IV, стр. 149—150).

(5) Слѣнинъ скончался въ 1836 году. Извѣстіе о его смерти напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 г. (№ 53.) Въ книжной лавкѣ Слѣнина (находившейся у Казанскаго моста, въ домѣ Кожевникова) сходились почти все русскіе писатели. Дельвигъ очень любилъ Слѣнина, и часто заходилъ въ его магазинъ, ежедневно гуляя на Невскомъ, Замайловъ, объявляя о выходѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», сказалъ о лавкѣ Слѣнина: «О лавка дорогая! Въ нее какъ на прищипъ, всегда словесниковъ найдешь». (Благонамѣренный 1825 г., № I, стр. 42.) Самымъ постояннымъ посетителемъ лавки Слѣнина былъ графъ Д. И. Хвостовъ, проводившій тамъ почти ежедневно цѣлыя утра въ напрасномъ ожиданіи покупщика своихъ сочиненій. Онъ даже написалъ «Посланіе къ И. В. Слѣнину», напечатанное въ «Новостяхъ Литературы» 1822 г. (книжка I, № III, стр. 44.) Однажды Хвостовъ, встрѣтившись у Слѣнина съ Дельвигомъ, жаловался, что надъ нимъ смѣются во всехъ журналахъ и увѣряютъ, что стихи его плохи. «Это не бѣда, что стихи плохи — отъбѣжалъ Дельвигъ — главное было бы смыслъ». Хвостовъ былъ очень доволенъ такимъ отвѣтомъ и тутъ же подарилъ Дельвигу какое-то новое произведеніе своей музы. (Сообщено В. П. Лангсомъ, лицейскимъ товарищемъ Дельвига втораго курса.) У Хвостова есть «посланіе» и къ Барону А. Дельвигу, напечатанное въ «Драматическомъ альманахѣ» на 1828 годъ, изданномъ Ардалиономъ Ивановымъ (стр. 301—304) и перепечатанное въ изданной Хвостовымъ «Перенискѣ стихами на 71 г. отъ рожденія». (С-Петербургъ, 1828 г.)

ловъ и альманаховъ издано иждивеніемъ Слѣнина. «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты», лучшіе изъ русскихъ альманаховъ, также обязаны ему своимъ существованіемъ. Въ позднѣйшее время съ такимъ же безкорыстнымъ усердіемъ дѣйствовалъ только одинъ Смирдинъ.

Дельвигъ, прежде чѣмъ приступить къ изданію альманаха, сообщилъ предложеніе Слѣнина и свои намѣренія составителямъ «Полярной Звѣзды», которые охотно согласились участвовать въ изданіи «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», но, опасаясь отъ ихъ успѣха подрыва для своего альманаха, отступились отъ намѣренія содѣйствовать Дельвигу, что и было причиною нѣкотораго охлажденія между составителями обоихъ альманаховъ, такъ что въ 1825 году они даже рѣдко видались. (1) Это же разногласіе было отчасти причиною поздняго выпуска «Полярной Звѣзды» на 1825 годъ, вышедшей уже въ апрѣлѣ. (2)

Первая книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» явилась въ началѣ января 1825 года. (3) Въ новомъ альманахѣ приняли участіе почти все литературныя знаменитости, почти все современные таланты, и потому книжка, и въ особенности ея стихотворный отдѣлъ, были составлены весьма удачно.

Въ ней явились произведенія, которыя еще долго будутъ украшеніемъ русской литературы. Пушкинъ здѣсь напечаталъ: «Пѣснь о въщемъ Олегѣ» (стр. 253), (4) «Демона» (стр. 275), «Отрывки изъ Евгенія Онѣгина» (стр. 280), «Прозерпину» (стр. 293); Жуковскій: «Ночь» (стр. 286), «Мотылекъ и Цвѣты» (стр. 357); Крыловъ: басни: «Муха и Пчела» (стр. 261), «Богачъ и Поэтъ» (стр. 283), «Прихожанинъ» (стр. 284), «Левъ состарѣвшійся» (стр. 290) и «Ли-

(1) Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

(2) Объявленіе объ изданіи «Полярной Звѣзды» на 1825 годъ и о замѣщеніи въ ея выходѣ напечатано въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. (№№ XXXIII и XXXIV, стр. 180). Въ объявленіи этомъ сказано, что «Сѣверные Цвѣты», изданіе книгопролаца Слѣнина, вступаютъ въ непосредственное соперничество съ «Полярною Звѣздою», и что издатели, предоставляя этому альманаху благоприятное время выхода въ свѣтъ, желаютъ ему еще благопріятнѣйшаго успѣха.

(3) Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1824 года объявлено (№ 293, стр. 1170—1171), что «Сѣверные Цвѣты» поступаютъ въ продажу въ концѣ декабря, въ книжномъ магазинѣ издателя, И. В. Слѣнина; въ «Благонамѣренномъ» 1825 года сказано (№ I, стр. 42), что они выйдутъ въ первыхъ числахъ января, а въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1825 г. объявлено (№ 3, 5 января, стр. 12), что «Сѣверные Цвѣты» вышли изъ печати и поступили въ продажу.

(4) Стихотвореніе это не понравилось одному изъ издателей «Полярной Звѣзды» Пушкинъ съ нимъ не соглашался. Вотъ его мнѣніе объ этомъ стихотвореніи, изъ его неизданнаго письма къ Б.: «Тебѣ кажется, Олегъ не нравится. Напрасно: товарищеская любовь стараго князя къ своему Юнои и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго престолуша, да и промшество само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.»

сица и Осель» (стр. 321); Козловъ: «Кіевъ» (стр. 314), «Ирландскую пѣсню» (стр. 318); Баратынскій: «Оправданіе» (стр. 263) и «Черепъ» (стр. 282). Кромѣ названныхъ лицъ въ первой книжкѣ альманаха участвовали: А. О. Воейковъ, А. Х. Востоковъ, князь П. А. Вяземскій, О. Н. Глинка, Н. И. Гиѣдичъ, В. Григорьевъ, Марья Даргомыжская, Д. Дашковъ, Михаилъ Загорскій, А. Е. Измайловъ, А. А. Крыловъ, К. П. Масальскій, Пл. Ободовскій, Н. О. Остолоповъ, П.....ій, П. А. Плетневъ, О. Туманскій и нѣкоторые другіе. Здѣсь же читатели увидѣли одно изъ первыхъ (по времени) произведеній молодого, но уже и тогда извѣстнаго художника К. П. Брюллова, жившаго тогда въ Италіи, — написанный имъ съ натуры и гравированный извѣстнымъ С. Галактіоновымъ «Видъ дома Торквато-Тассо въ Сорренто».

Дельвигъ напечаталъ въ этой книжкѣ русскія пѣсни: «На яву и въ сладкомъ снѣ» (стр. 276), «Скучно, дѣвушки, весною жить одной» (стр. 295), «Пѣла, пѣла пташечка» (стр. 296), романсъ: «Друзья, друзья! я Несторъ между вами» (стр. 340) и идиллію «Купальницы» (стр. 346). (1)

Третья книжка «Полярной Звѣзды», опоздавшая своимъ выходомъ, явилась только въ апрѣлѣ (1825 года), т. е. спустя около четырехъ мѣсяцевъ послѣ выпуска «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Въ ней помѣщены болѣею частію произведенія писателей, участвовавшихъ въ составленіи первыхъ двухъ книжекъ альманаха; но между ними уже не было стихотвореній Дельвига.

Между тѣмъ Пушкинъ въ концѣ 1824 года оставилъ Одессу. Посѣтивъ на возвратномъ пути изъ южной Россіи, на короткое время, Москву и Петербургъ (2), онъ долженъ былъ ѣхать въ Михайловское, гдѣ ему суждено было провести въ новомъ уединеніи около двухъ лѣтъ, ознаменованныхъ произведеніями уже окрѣпшаго и самостоятельнаго таланта, полныхъ неутомимой и блестящей поэтической дѣятельности.

В. ГАЕВСКІЙ.

(1) Стихотворенія эти напечатаны въ первомъ изданіи стихотвореній Дельвига на стр. 67, 134, 34, 30 и 42, а во второмъ — на стр. 49, 99, 23, 20 и 29.

Разборъ первой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» читатели найдутъ въ «Русскомъ Пивалидѣ» 1825 г., въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь, ч. XXVIII, стр. 85), въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825 г. (№ 5) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 г. (№ IV, стр. 329—337).

(2) «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.» («Современникъ» 1838 г., т. X, стр. 35—36) и *Библиографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ.* (Москвитинъ 1853 г., № 10, стр. 57—58.) Фактъ этотъ опровергается нѣкоторыми изъ современниковъ Пушкина, и потому не ругаемъ за его справедливость.